Отчаянная

Автор:
Алина Углицкая

Отчаянная

Алина Углицкая

Кира по ложному обвинению попадала в тюрьму. Любимый предал ее, да еще тюремный врач лишил ребенка. Обозленная и отчаявшаяся, она должна сделать выбор: отправиться умирать на урановые рудники или жить на далекую неосвоенную планету.

Она выбирает жизнь в качестве поселенки, в мире, где властвует вечный холод и командор Ян Хорган. Теперь ей предстоит стать супругой неизвестного мужчины, но именно командор выбирает ее. Потому что она похожа на его погибшую жену…

Но так ли случайно это сходство? И что будет, когда оба поймут что судьба связала их против воли?

В оформлении обложки использовано фото с сайта shutterstock. Дизайнер Е. Сова.

Алина Углицкая

Отчаянная

Глава 1

Сто восемьдесят дней назад

Ллур, галактика Эреброс

Острые шпили антенн, венчавшие здание космопорта, мерцали в свете трех лун. Ян Хорган взглянул на них еще раз, машинально отмечая поднимавшийся в небо аэрогриф. Потом потянулся, напрягая уставшие мышцы, вздохнул и обернулся к коменданту, застывшему за спиной.

Эта ночь выдалась необычно теплой для ранней весны. По Цельсию – всего двадцать градусов ниже нуля. Вокруг, насколько хватало глаз, лежал девственно-белый снег, расчерченный темными громадами зданий и ленточных трасс. Над ним, отражая звезды, возвышался прозрачный купол, защищавший живых от смертоносного холода белой пустыни.

Здесь, на северном полушарии Ллура погода не баловала, спасало лишь то, что дерранги прошли адаптацию и могли выдержать суровый ллурский мороз. Но так было не всегда. Понадобились тридцать чудовищно долгих лет и сотни смертей, чтобы шахты в снегах начали приносить стабильный доход.

Хорган сознательно запрещал себе думать об этом. О прошлом. Но иногда оно не желало оставаться забытым и врывалось в настоящее, напоминая о себе острой болью.

– Отличная ночь, – пробормотал он, отбрасывая со лба серебристую прядь. Утоптанный наст сухо скрипнул под его меховыми унтами. – Снег начнет таять раньше, значит, раньше опустятся купола.

– Да, командор, – комендант космопорта мгновенно вытянулся в струну.

В отличие от Хоргана, комендант Деренс был простым человеком. Таким, каким его создала мать-природа, а не эксперименты ученых-генетиков. От мороза его грубоватое лицо покраснело, глаза превратились в щелки, а на длинных усах серебрился иней. Он кутался в меховой тулуп с белым платком на рукаве – единственным отличительным знаком, говорившим о его должности.

– Ты что-то хотел? – Хорган окинул его хмурым взглядом. Между широких белых бровей, выделявшихся на задубевшем лице командора, залегла усталая складка.

– Мы получили сообщение со Старой Земли. Центр согласен на обмен, но внес свои коррективы. Пятьдесят земных женщин в обмен на сто пятьдесят тысяч метрических тонн руды. И они хотят получить гарантии лично от вас.

Четко очерченные губы Хоргана дрогнули. Казалось, мужчина хотел улыбнуться, только забыл, как это делается.

– Гарантии? – в его потемневших глазах сверкнули опасные искры. – Они их получат. Но мы выполним свою часть сделки не раньше, чем на Ллуре появятся женщины.

– Они хотят залог. Тридцать тысяч вперед в знак чистоты наших намерений.

– И чем же объясняют такие запросы?

– Вопросом безопасности. – Деренс развел руками. – Вы же знаете, чем дальше от Центра, тем больше сплетен и слухов. Иногда они достигают невероятных размеров…

– Например?

Комендант смешался под пристальным взглядом Хоргана.

– В Земном Альянсе ширятся слухи, что мы съели своих женщин во время Долгой Зимы. И детей тоже…

Словно в ответ на его слова начался снегопад. С неба посыпался сухой, мелкий снег, похожий на шарики пенопласта.

Хорган молчал. Он запрокинул голову вверх и подставил лицо под крошечные снежинки.

Молчание затягивалось.

– Сэр? – не выдержал Деренс. – Что им передать?

Шумно выдохнув, Хорган потер лицо.

– Что ж, – в его глазах блеснул сумрак, – ни одна женщина в здравом уме не появится здесь добровольно. У нас нет выбора. Если мы хотим, чтобы колония выжила, нам придется принять эти условия.

– Значит, вы согласны?

– У тебя есть другие варианты? – по лицу Хоргана скользнула тень. – Они не предлагают прислать комиссию или провести расследование. Они просто хотят больше асквенциума. И за это готовы отдать своих женщин. Да. Передай им, что мы согласны.

***

Две недели назад

Где-то в космосе. Космический грузовой корабль «Пилигрим»

Если бы Кира могла отмотать свою жизнь назад на полгода и прожить это время заново, она бы десять раз подумала, прежде чем совершить то, что уже совершила. Но, к сожалению, машину времени никто так и не создал, хотя предпосылки к этому были. И раз в прошлое невозможно было вернуться, ей оставалось лишь надеяться на то, что будущее окажется к ней не слишком жестоким.

Как бы там ни было, Кира была уверена: эти четырнадцать суток, проведенных в грязном, душном, пропитанном потом, хирреанской травкой и нечистотами транспортировщике, были непомерной платой за ее мелкий проступок. Особенно ржавые стены грузового отсека, в котором их везли, будто скот.

Это был ее первый полет за пределы Земли. Две недели сущего ада. Пятьдесят немытых женских тел, которые спят, едят и справляют нужду в одном месте. Натужный скрежет проржавевшего, давно списанного корабля, который того и гляди развалится. Звон кандалов. Хриплая ругань. Бессвязное бормотание.

Кира провела все это время, забившись в угол и прижавшись спиной к шершавой обшивке. Выползала оттуда только чтобы забрать свою порцию пайка, да посетить отхожее место, которое представляло собой дырку в полу. А когда единственная тусклая лампочка под потолком отключалась и наступала «условная ночь», она сворачивалась калачиком в своем углу, но не спала. Спать здесь было опасно.

Еще в первую ночь, часа через два после того, как отключили свет, она проснулась от странного ощущения. Вокруг царила кромешная темнота, наполненная хриплым дыханием и тяжкими вздохами. И в этой тьме чьи-то руки торопливо шарили по ее ногам, оставляя на коже грязные, липкие отпечатки.

Кем бы ни был непрошеный гость, от него исходил резкий запах дешевого алкоголя, и он явно пришел не для светской беседы.

Кира не двигалась. Почти не дышала.

Ей уже не раз приходилось защищать свою честь в тюремных застенках. Тщедушная фигурка девушки и невинное личико буквально притягивали к себе любителей легкой добычи. Но четыре месяца за решеткой в ожидании приговора ее многому научили. Особенно – выжидать удобный момент, чтобы ударить.

Когда глаза привыкли к темноте, она смогла рассмотреть грузное мужское тело, согнувшееся над ней. Медленно, стараясь не издать ни единого звука, девушка начала подтягивать к себе цепь, которой были скреплены ее наручники и ножные «браслеты».

Ей пришлось укусить себя за щеку, чтобы не закричать, когда мужчина, сопя и причмокивая губами, задрал подол ее робы. А потом он замешкался, пытаясь стянуть с нее широченные тюремные брюки, державшиеся на резинке…

Секундная заминка – и Кира рванула вперед. Подскочила, как выпущенная пружина, набрасывая на шею насильнику тяжелую цепь и, не мешкая, стянула

ее со всей силы. Мышцы на ее худеньких, тонких руках натянулись, будто веревки.

В ответ раздался полузадушенный хрип.

Мужчина мгновенно отпрянул. И Кира, увлекаемая цепью, кубарем покатилась за ним, отбивая бока о металлический настил.

Грохот поднялся такой, что не проснулся бы только мертвый. Со всех сторон послышались вопли разбуженных женщин: злобные, полные ненависти и раздражения.

– Задрали уже! Дайте поспать!

– Вас что, трахаться по-тихому не учили?

– Пасти позатыкайте!

Кто-то включил фонарик, и белый с голубоватым оттенком луч осветил взбудораженное женское стадо.

Кира съежилась на полу, инстинктивно принимая защитную позу. Теперь, если будут бить, по крайней мере ничего жизненно-важного не отобьют. Лучше сдохнуть в расцвете сил, чем жить инвалидом.

Несколько женщин склонились над ней. Все они выглядели лет на десять старше ее: широкобедрые, грудастые, с несвежими, мятыми лицами, носящими следы перманентного макияжа. Кира определила их как стареющих проституток.

– А, это ты, малахольная? – с нескрываемым пренебрежением пробормотала одна, поднося фонарик поближе. Крашеная брюнетка с мушкой над верхней губой и выщипанными в тонкие ниточки бровями. – Чего блажишь? Совсем мозги растрясла?

Кира только гулко сглотнула, зажмуриваясь от яркого света, бьющего прямо в глаза. До нее донесся звук удаляющихся шагов и лязг металлической двери. Тот,

кто пытался ее поиметь – ушел, никем не замеченный. Но это не значит, что он не вернется.

– С-свет уберите, – еле выдавила она из себя, поднимаясь и подтягивая колени к груди. – Просто к-кошмар приснился…

И почувствовала на языке металлический привкус. Кровь. Кажется, она хорошо приложилась лицом…

– Ясно, – уже более миролюбиво ответила брюнетка, убирая луч в сторону. – Ладно, бабы, – она махнула рукой остальным, – отбой. – Потом повернулась к Кире: – На вот, выпей, расслабься. Нам всем тут не сладко.

Женщины, недовольно бормоча, начали заново укладываться на ночлег.

Брюнетка протянула Кире маленькую фляжку на полпинты. Девушка не осмелилась отказаться, хотя и пить не хотела. Открутила дрожащими пальцами блестящую крышечку и сделала вид, что глотнула.

Немного жидкости попало на разбитые губы. Кира скривилась: дезинфекция не помешает.

– Спасибо, – она вернула фляжку.

– За спасибо черт повесился. Ты-то сама как здесь оказалась? Молоденькая ведь совсем. Тебе хоть восемнадцать-то есть?

– Двадцать три. Будет. Через три месяца.

Брюнетка только головой покачала.

– Ну, а попала-то как сюда? Ты ж не из нашенских, я же вижу. Говоришь чисто, и зубы все целые.

Вспоминать не хотелось. Кира шмыгнула носом, чувствуя, как в груди все сжимается. Но ее глаза остались сухими. Все слезы, что у нее были, она уже выплакала. На это ушли последние десять лет. Больше слез не осталось.

– Да по глупости, – пробормотала она в сторону. – Не тому поверила.

– Что ж, и такое бывает, – брюнетка, вставая, похлопала ее по плечу. – Ладно, не хочешь рассказывать – не рассказывай. Здесь у каждой своя история.

Да, она не хотела. И почувствовала невольное облегчение, когда сердобольная женщина оставила ее в одиночестве.

Кира запрещала себе думать о прошлом, запрещала его вспоминать. И уж тем более она не собиралась делиться им с совершенно незнакомыми людьми, с которыми ее столкнули случайные обстоятельства.

Это было две недели назад.

С той самой ночи Кира не спала. Она панически боялась заснуть, лежала в своем углу и таращилась в темноту, пока не наступало «условное утро», и автоматика не врубала освещение. Несколько раз она слышала, как кто-то приходил извне, лязгая металлической дверью. А потом раздавалось пыхтение и возня. Видимо, экипаж транспортера еще днем высматривал себе хорошеньких арестанток, чтобы ночью безнаказанно попользоваться ими. Да и сами пленницы, судя по вздохам, были не прочь.

Но Киру больше не трогали.

За это время ее кожа покрылась корочкой грязи, волосы слиплись и теперь висели сосульками, а тюремная роба пропиталась потом и липла к спине. Все тело чесалось. Голова тоже. Кира была уверена, что нахваталась не только вшей, а и кое-чего похуже. Чего именно – думать не хотелось, но дурацкие мысли навязчиво лезли в голову. Особенно по ночам.

Желудок, не привыкший к протеиновым пайкам, постоянно болел. Безумно хотелось есть, спать и помыться. Или все то же самое, но в другой последовательности.

На четырнадцатый день гул, шедший из реакторного отсека, изменился. Это означало, что транспортер включил дополнительные двигатели для торможения. А еще это означало конец перелета.

Они прибыли в пункт назначения.

Глава 2

День назад

Ллур, галактика Эреброс

Так называемых «невест» доставили днем, когда тусклое солнце только-только начало подниматься над верхушками скал.

Грузовой транспортер с ободранной на боках изоляцией, сквозь которую поблескивал металл обшивки, завис над Ллуром, не входя в атмосферу. Старая развалюха просто не выдержала бы перегрузок, если бы попыталась это проделать.

Сообщение о прибытии пришло на приемный пункт космопорта как раз в тот момент, когда там находился Хорган.

– Вовремя, – он отложил в сторону документы, которые занимали его последние полчаса, и посмотрел на барометр. Минус тридцать – обычная температура для этого времени суток и года. Потом обернулся к помощнику: – Рубан, отправь за ними аэрогриф и организуй встречу. И постарайся, чтобы на космодроме в это время никто не ошивался.

Последнюю фразу командор произнес с особым нажимом.

– Боитесь беспорядков, сэр? – понятливо хмыкнул Гарт Рубан, набрасывая на плечи меховую куртку.

– Боюсь, прибытие этих дам взбудоражит и без того беспокойные умы наших друзей. К тому же вряд ли нам прислали выпускниц пансиона для благородных девиц. Так что для всех будет лучше, если первая встреча пройдет под строгим контролем. Действуй, как договаривались. В шесть часов вечера все должны быть в ратуше.

– А вы?

– Что – «вы»? – Хорган нахмурился, уже понимая, какой вопрос последует дальше.

– Ну… вы будете участвовать в…

– Нет, – он резко оборвал помощника. – Вы получили приказ? Выполняйте.

– Слушаюсь, сэр! – Рубан машинально вытянулся в струну. Он знал, если Хорган начал к нему обращаться на «Вы» – значит, командор явно не в духе.

Через секунду за Гартом захлопнулась дверь.

***

Когда шаги помощника растаяли в тишине, Хорган откинулся на спинку кресла и поднял тяжелый взгляд к потолку. Его зубы сжались, издав тихий скрип, и на темных от снежного загара щеках заиграли упрямые желваки. Охваченный внезапным раздражением, он не заметил, как его пальцы с силой сдавили подлокотники кресла, пока не услышал едва различимый хруст.

Рубан не виноват. Он же не знал, что бередит старую рану. Хорган тщательно охранял собственные секреты и прошлое, в котором они таились. Он был уверен, что надежно похоронил всех призраков, и они никогда не придут, чтобы мстить…

По крайней мере, он на это надеялся.

Шумно выдохнув, командор качнулся вперед, к столу, и открыл на рабочем экране файл, полученный с «Пилигрима».

Файл представлял собой список доставленных женщин. Вместо имен – пятизначные номера. Это говорило о том, что они – заключенные, с тюремным штрихкодом на правом предплечье, который отныне и до самой смерти заменит им все документы.

Но Хоргану было плевать на их прошлое. Главное, все они молодые, здоровые, без генетических отклонений и, что самое важное, способны к деторождению. Они были тем будущим, которого так не хватало его людям все это время.

Конечно, пятьдесят «невест» – это слишком мало для колонии, насчитывающей шестьсот одиноких мужчин, чей средний возраст колеблется в пределах двадцати пяти-сорока пяти лет. Но начало положено, и это уже хорошо. Если выработка асквенциума останется на прежнем уровне, то они смогут позволить себе новых «невест» каждый квартал, учитывая расходы на содержание поселения, техники и пополнение запасов. К тому же, Хорган рассчитывал на свежую жилу, обнаруженную недавно.

Моральная сторона вопроса командора не интересовала. Как и мнение этих «дам». Все, что ему было нужно – это покой и процветание на его территории.

Легкая вибрация под ногами отвлекла его от раздумий. Далекий гул, слышный даже сквозь толстые стены, сообщили о взлете аэрогрифа.

Подойдя к окну, Хорган проводил глазами аппарат, представлявший собой подъемник, курсировавший между стационарной платформой и «Гиперионом» – орбитальной станцией. Он был достаточно крепким, чтобы поднимать пять тысяч тонн руды ежедневно. И достаточно надежным, чтобы ему можно было доверить пятьдесят жизней.

На другой стороне, за стеной космопорта, скалы уже окрасились в ржавый цвет.

Солнце Ллура – далекий красный гигант – недаром был назван Гранатом. Его лучи действительно были красными, а их тепла хватало лишь на недолгих три

месяца из пятнадцати.

Но Хорган уже чуял в воздухе запах весны: запах талого снега и первых, еще несмелых ручейков, бегущих под снежным настом.

Пройдет всего пара недель – и световой день увеличится, а вместе с ним придет и тепло. Снег в долине постепенно растает, стечет водой в озера и реки, стынущие подо льдом. Обнажится рыжеватая земля, смешанная с желтым песком и глиной, и тут же, буквально за считанные дни, покроется зеленой травой и яркими цветами. А еще месяц спустя цветы завянут, трава пожелтеет, и придет холодная, промозглая осень с ледяными дождями, за которой на целых двенадцать месяцев наступит зима.

И тогда уже солнца не будет.

Хорган надеялся, что к этому времени большинство поселенцев создадут семьи. Иначе многие из них просто не выдержат еще одну Долгую Зиму.

***

Космический грузовой корабль «Пилигрим»

После скудного завтрака арестанток вывели из отсека на погрузочную площадку, обнесенную перилами с облупившейся краской. Здесь уже стояли несколько конвойных, вооруженных энергобичами, разработанными специально для усмирения бунтов среди заключенных. Кира пробежалась по ним равнодушным взглядом, отмечая сытые лица и двусмысленные ухмылки. Но кроме конвойных там был кто-то еще.

Двое мужчин стояли отдельно, небрежно облокотившись на ржавые поручни. Они были достаточно далеко, чтобы Кира смогла рассмотреть их лица, но что-то в их силуэтах, в том, как они скрестили длинные ноги, в линии плеч и наклоне головы – говорило о том, что эти люди не из экипажа транспортника и не из сопровождения. А меховая одежда незнакомцев только подтверждала эту

догадку.

Кира еще силилась их разглядеть, когда на площадку поднялся суперкарго, отвечающий за доставку живого груза, и внимательно осмотрел строй. Это был довольно грузный мужчина с красным алкогольным лицом и дряблыми щеками. Что-то в нем показалось Кире очень знакомым, и она с содроганием поняла, что это именно он приходил к ней в ту ночь.

От нахлынувшего отвращения ее едва не стошнило.

С трудом удерживая себя на ногах, она опустила голову, спрятав лицо за космы немытых волос.

Между тем, суперкарго сверил наличие женщин со списком и кивнул тем двоим:

– Забирайте, теперь они – ваша проблема.

Один из пришельцев неспешно отклеился от перил.

– Дамы, – услышала Кира его немного насмешливый голос, – я помощник командора Хоргана, Гарт Рубан. Второй человек на Ллуре. Можете обращаться ко мне просто «сэр». Как вам должно быть известно, эта планета является собственностью горнодобывающей компании «Адар». Вы прибыли как раз вовремя, приближается лучшее время года – лето. Температура воздуха ежедневно поднимается, сегодня, к примеру, наши метеорологи обещали всего «минус двадцать».

По толпе прокатился неразборчивый ропот.

– Тише, – на лице Гарта Рубана появилась почти добродушная улыбка. – Вам всем выдадут теплую одежду. Мы же не хотим, чтобы вы отморозили самое ценное, – и тут он им подмигнул.

Кто-то из женщин одобрительно засмеялся.

Кире стало противно.

Этот Рубан пытался играть в «поддавки», но она знала правду: ему на них абсолютно плевать. Возможно, он даже мысленно морщится от той вони, что сейчас исходит от них. Они все для него на одно лицо, бесплатные подстилки, которых будут раздавать старателям в качестве премиальных.

Возможно, он тоже выберет себе «даму». Недаром же его взгляд шарит в толпе, будто выискивает кого-то.

Когда Кира подписывала добровольно-принудительный контракт на поселение, ее предупредили, что на Ллуре с женщинами проблемы. Подробностей, понятное дело, никто не сказал, но она была достаточно сообразительной, чтобы понять: здесь много одиноких мужчин, которые уже позабыли, как выглядит женское тело. И сейчас она готова была поклясться, что у этого Гарта, как и у его напарника, скромно держащегося в сторонке, слюнки текут, а член вот-вот разорвет ширинку.

Не выдержав, она скривилась. Мужчины везде одинаковы.

Между тем помощник командора продолжал:

– Сейчас вас разделят на группы и проводят в кабину аэрогрифа. Это надежное и скоростное средство доставит вас на поверхность планеты. Вопросы есть?

Он скептическим взглядом окинул унылое стадо из пятидесяти женщин, доведенных до скотского состояния.

– Есть, – где-то в шеренге устало поднялась чья-то рука, – а жрать нам дадут?

– Конечно. Мы же не варвары.

– А помыться?

– А нормальную одежду?

– А жить мы где будем?

Вопросы посыпались один за другим. Всех беспокоила дальнейшая участь, но насущные проблемы были важнее.

Несколько минут Рубан молчал, наблюдая за женщинами, потом махнул рукой, обрывая гул голосов.

– Значит так, вам предоставят отдельный барак, где вы сможете привести себя в порядок, отдохнуть и поесть. Времени у вас достаточно, целых двенадцать часов. Для тех, кто не знает: сутки на Ллуре – это двадцать восемь стандартных земных часов. Потом состоится официальная встреча, на которой командор Хорган сам все объяснит. Я уполномочен только доставить вас на планету.

Это означало конец разговора.

Над толпой всколыхнулся недовольный гудёж, но открыто возмущаться никто не посмел.

***

Подгоняемые конвойными, женщины нехотя разделились на группы. Кира оказалась в шестой, вместе с той самой брюнеткой, которая говорила с ней в первую ночь. За время перелета они успели познакомиться немного ближе. Брюнетку звали Темарой, но среди однокашниц к ней обращались не иначе, как Муха из-за родинки над губой. Ей было тридцать пять лет, и последние пятнадцать из них она зарабатывала на жизнь собственным телом.

Два месяца назад бордель, где работала Муха, попал под облаву. И после недолгого судебного разбирательства женщине предоставили выбор: огромный штраф, который она просто не в состоянии была оплатить, десять лет работы в каменоломнях на астероиде, откуда еще никто не возвращался живым, или отправиться «заказной невестой» на вечное поселение в одну из отдаленных галактик.

Муха выбрала третье.

Слушая ее, Кира невольно вспоминала собственную короткую эпопею. Наверное, большинство этих женщин попали на «Пилигрим» по этой же схеме: арест, суд и так называемый «выбор», который им предоставила земная фемида. Но, в отличие от той же Мухи, Кира не продавала себя. Не сбывала наркотики, не приторговывала контрабандой или людьми, и не отмывала деньги. Она просто поверила не тому, и теперь должна была нести наказание за собственную наивность и глупость.

Но она была благодарна судьбе за этот урок. Он научил ее не доверять никому. Не верить людям, не надеяться. И не ждать.

– Ну что, подруга, идем, – Темара толкнула ее в плечо, когда подошла их очередь ползти вниз по железным ступеням, где уже ждал пресловутый аэрогриф. – Ты держись рядом со мной, если что. Вместе-то оно легче.

Кира не стала сопротивляться, когда Муха схватила ее за руку и крепко сжала, словно желая подбодрить.

Как бы ни был любезен этот Гарт Рубан, доверия он не вызывал.

Зато приказал снять с заключенных наручники и заменить их импульсным ошейником. Отличной штукой, управлявшейся с крошечного дистанционного пульта и способной оторвать голову.

На недовольное ворчание женщин Рубан ответил:

– Таковы правила. Радуйтесь, что хоть руки свободны.

У входа в аэрогриф его напарник выдавал всем одежду: длинные, до самых пят шубы и унты из такого же серого, грубого на ощупь меха. К ним прилагался кушак из темной, колючей шерсти.

Получив обновку, Кира послушно сменила стоптанные ботинки на унты и набросила шубу на плечи. Поискала на ощупь застежки, зарываясь пальцами в жесткий, странно пахнущий мех – и не нашла. Оглядевшись, поняла, что шубу надо запахивать, как халат, и перевязывать на талии кушаком. Справившись с этой задачей, она, по примеру других, натянула на голову капюшон.

Шуба оказалась достаточно большой: худосочная Кира обмоталась ею в два раза, а руки девушки буквально утонули в рукавах. Рядом одобрительно фыркнула Муха:

– Теперь нам мороз не страшен. Слышала? Двадцать градусов! Да у нас уже лет сто не бывало таких морозов!

– Двести, – тихо поправила Кира.

– Что?

– Двести лет. На Земле уже двести лет температура не падает ниже нуля, даже на полюсах.

– Откуда ты знаешь?

– Этому учат в школе.

– А-а, – Темара по-новому, с долей уважения посмотрела на Киру, – так ты ученая, вот оно что…

Та пожала плечами, чувствуя, как жесткие шерстинки елозят по шее.

– Все дети учатся в школе.

– Все, да не все. Я вот, например, не училась. Ты, небось, еще и в Городе каком-нибудь жила, под куполом?

Кира молча кивнула.

Во взгляде Мухи вспыхнуло что-то новое, злое.

– А я родилась и выросла в шлакоходе. Знаешь, что это такое?

Кира знала.

Шлакоходами называли гигантские сухопутные танкеры на гусеничном ходу, в недрах которых селились те, кому не нашлось места в чистеньких и ухоженных Городах. Это были отбросы общества: бродяги, наркоманы, убийцы и прочий сброд. Выброшенные за пределы куполов, они вынуждены были искать укрытие от смертельного солнца. И в каждом таком шлакоходе со временем образовывался свой собственный мини-город.

– Извини, – она снова пожала плечами, хотя особого сожаления не почувствовала. Зато теперь стало ясно, почему Муха так странно разговаривает. Ей просто негде было учиться правильной речи.

Темара несколько секунд пристально изучала ее лицо, будто ждала какого-то знака, потом процедила сквозь зубы:

– Ладно. Только ты это… нашим не говори. Порвут. Они городских не любят.

Губы Киры дрогнули в полуулыбке. Сейчас ее меньше всего заботило то, что ней подумают другие заключенные.

– Готовы? – ворвался в их разговор грубый голос конвойного. – Проходите. Нечего рассусоливать!

***

Подгоняемые энергобичом, они спустились в аэрогриф – огромную подвесную кабину, зависшую в ста двадцати километрах от поверхности планеты. Ее прозрачные стены из суперкрепкого альбаринтового стекла покрывала защитная сетка, но она не мешала обозревать окружающий космос. А еще здесь было по-настоящему холодно.

Когда последняя из «невест» зашла, и двери подъемника с металлическим лязгом захлопнулись за ее спиной, по толпе женщин пробежала невольная дрожь. Как бы они ни храбрились, им всем было страшно.

Кира гулко сглотнула, чувствуя, как в горле становится сухо. Импульсный ошейник непривычно сжимал горло, и кожа под ним чесалась.

Из невидимых динамиков, закрепленных под потолком, раздался шелест помех. А потом его заменил голос Гарта Рубана, измененный радиоволнами:

– Дамы, извиняюсь за неудобства. Сейчас немного тряхнет, так что во избежание травм советую всем сесть на пол.

Повторяя за товарками, девушка опустилась на пол, со злостью отмечая, что внутри поднимается паника. Вокруг нее раздавались приглушенные голоса: кто-то молился, кто-то тихо ругался, кто-то шепотом строил планы на будущее.

Закрыв глаза, она до боли стиснула зубы и мысленно приказала себе успокоиться. Но внутренняя дрожь не желала униматься. Неизвестность страшила. Будущее представлялось кошмаром, от которого никогда не проснешься, а чужая планета казалась безрадостным и неприветливым местом, где она никому не нужна.

Аэрогриф содрогнулся, со скрипом сходя с креплений, и начал медленное путешествие вниз.

Глава 3

Путь от платформы аэрогрифа до поселка занял почти полчаса на стареньком автотрансе, дребезжащем и поскрипывающем на ходу. Дуя на окоченевшие пальцы, Кира не забывала бросать незаметные взгляды по сторонам.

Но везде был только снег – девственно-белый, слепящий глаза.

На его фоне темными пятнами выделялись столбы линии электропередачи с переплетениями проводов, несколько вездеходов, попавшихся по дороге, да стены однотипных домов, сложенных из грубо отесанного серого камня.

Еще дальше можно было угадать бесконечные заснеженные поля и высокие скалы, чьи верхушки упирались в низкое, серое небо, затянутое вечным туманом.

И над всем этим висело тусклое красное солнце, похожее на мутный шар. Оно почти не давало тепла, но бросало на снег рыжеватые блики.

Наконец, автотранс остановился на окраине поселка. Женщин высадили и заставили встать в шеренгу по двое. Кира снова оказалась в паре с Темарой. Конвоиры, приставленные Альянсом, остались на «Пилигриме», но в кармане у Рубана лежал универсальный пульт от ошейников. Еще на транспортнике он сообщил, что с этими сомнительными украшениями им сегодня придется мыться и спать.

Она слышала, как женщины, идущие следом, тихо обсуждают пустые улицы поселения. Никто не выбежал посмотреть на прибывших. Ни одно лицо не мелькнуло за стеклами окон. Казалось, поселок вымер…

– Ну, дамы, располагайтесь! – Гарт Рубан с шутовским поклоном распахнул перед ними двери барака – длинного одноэтажного здания, утонувшего в сугробе по самые окна. К его дверям вела утоптанная дорожка и расчищенное от снега высокое каменное крыльцо.

– А где все? – поинтересовалась одна из женщин, оглядываясь вокруг.

– Тебе нужен кто-то конкретный, красавица? – усмехнулся помощник командора. – Дневная смена уже на шахте, ночная – отсыпается. Не переживай, успеешь еще познакомиться.

Словно гигантская змея, колонна начала медленно переваливаться через порог, постепенно исчезая в недрах здания.

Кира находилась почти в хвосте этой змеи. И к тому времени, как очередь дошла до нее, она уже не чувствовала от холода собственных ног. В какой-то момент у нее вдруг помутилось сознание, а перед глазами поплыли цветные круги. И девушка с тихим стоном начала заваливаться на снег.

Упасть ей не дали. Муха схватила за локоть, вцепившись мертвой хваткой, и заставила устоять на ногах. А потом, глядя на помертвевшее лицо Киры, набрала пригоршню снега и насильно затолкала ей в рот.

Кира закашлялась, отплевываясь, но часть снега успела растаять и проникнуть в горло живительной влагой.

– С-спасибо…

Темара хмыкнула.

– Держись, малахольная. Жалко будет, если помрешь.

Кира с трудом сложила непослушные губы в улыбку.

Наконец, они добрались до крыльца. Сквозь приоткрытые двери был виден коридор, вдоль которого располагались крошечные комнатки-клетушки. Противоположным концом этот коридор упирался в общий санузел, куда уже выстроилась очередь из нескольких женщин.

Кира на мгновение замешкалась на пороге, охваченная странным предчувствием. Ей в лицо пахн?ло теплом людского жилья, заставляя споткнуться на ровном месте. А потом где-то над головой послышался стрекот аэрокара.

Оглянувшись, она увидела серебристый летательный аппарат, застывший над верхушками столбов. В его лобовом стекле ярким пятном отражалось красноватое солнце.

Не отдавая себе отчета, девушка подняла руку и стянула ворот шубы у горла.

Ей вдруг показалось, что кто-то в кабине аэрокара смотрит на нее. Пристально, изучающе. Как смотрят на неизвестную науке букашку. И от этого взгляда у нее внутри что-то сжалось. Воздуха стало мало, так мало, что Кира невольно начала задыхаться.

Странное чувство сдавило грудь. Нет, не страх. Она не боялась. Это было что-то другое.

Несколько бесконечно долгих секунд она ловила ртом стылый воздух, чувствуя, как он проникает в легкие ледяными иголками. И не могла отвести завороженного взгляда от серебристого аэрокара. Пока летательный аппарат, наконец, не сорвался с места, заложив опасный вираж.

Только когда он исчез в серой дымке, Кира выдохнула с облегчением.

– Эй, и что это было? – Темара тоже проводила взглядом аэрокар.

Вопрос был риторическим, брошенным наугад, но Рубан, отмечавший заходивших в барак женщин в своем планшете, машинально откликнулся:

– Командор Хорган.

Это имя показалось Кире знакомым. Несущим особый смысл. Где-то она его уже слышала…

– Идем, – подтолкнула ее Темара, – или хочешь остаться здесь?

Нет, оставаться «здесь» не хотелось. Кира усилием воли отогнала тревожные мысли и шагнула через порог.

***

Их распределили по два человека на комнату, где кроме двух узких кроватей, двух стульев, на каждом из которых лежала стопка одежды, и пустого стола не было ничего. Но дали достаточно времени, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть.

Кира попала в одну комнату с Темарой, что ее совершенно не удивило. Она уже почти привыкла ощущать рядом с собой присутствие этой женщины, немного

грубоватой, но в целом вполне безобидной.

К вечеру девушки успели помыться, выспаться и плотно поесть в общей столовой, причем все блюда были сделаны из настоящих продуктов, хоть и консервированных. А еще переодеться в новую одежду, скинув, наконец, опостылевшие тюремные робы.

Обновки не отличались особой оригинальностью, зато в комплект входило нижнее белье из термоткани: плотно прилегающая майка с длинным рукавом и облегающие шорты, поверх которых надо было надеть еще несколько слоев одежды, прежде чем закончить все это штанами на лямках и курткой из плотного неопрена.

И вроде все было хорошо, но Киру продолжала тревожить какая-то мысль. Что-то было не так. Она не могла понять, что именно не дает ей покоя.

Что-то грызло внутри, не давая расслабиться ни на минуту.

Стоя у окна, она пыталась рассмотреть свое отражение, когда за спиной раздался голос Темары:

– А они хорошо подготовились.

– Ты о чем? – светлые брови Киры сошлись на переносице, образуя тонкую складку.

Темара с довольным вздохом завалилась на свою койку, заложила руки за голову и уставилась в потолок, обшитый изоляционным материалом.

– «Женихи», кто же еще. Горячий душ, мыло… Я таким душистым в жизни не мылась, а тут лей – не хочу. И еда. Ты когда последний раз ела натуральное мясо?

– Это были консервы.

Кира коснулась своей щеки и тихонько чертыхнулась. Мало того, что разбитая губа так и не зажила полностью, так еще и на скуле красовался застарелый

синяк. Лучше бы она вообще на себя не смотрела.

– Плевать! – Темара легкомысленно махнула рукой. – Все равно мясо, а не та протеиновая дрянь, которой нас пичкали на «Пилигриме».

Оглянувшись, Кира посмотрела на Муху. Та, побывав в душе и выспавшись, стала выглядеть намного моложе и здоровее. Морщинки на ее лице разгладились, взгляд посвежел, а жизнь, судя по всему, уже не казалась такой сукой, как прежде.

– Теперь, дорогуша, все в наших руках, – Темара ответила ей таким же оценивающим взглядом и подмигнула. – Я не собираюсь упускать шанс устроиться здесь получше, и тебе советую то же самое. Ты молодая и симпатичная, но это твой единственный плюс. И перестать морщиться. Морщины тебе не идут.

– Неужели? – Кира скептично усмехнулась. – А синяки?

Она показала пальцем на скулу.

– Ерунда. Он почти не заметен. Поверь, местные мужики меньше всего будут разглядывать твое лицо.

– Да? И на что же они будут смотреть?

– На твою задницу! И на сиськи! А они у тебя маловаты, так что давай, включай свое женское обаяние, иначе останешься не у дел. Эти дерранги, для которых нас привезли, уже несколько лет баб не нюхали. И поверь, им плевать, как мы выглядим. Главное, чтобы сиськи были помягче, да местечко между ног потеплее. Вот увидишь, Лайму и Ривку первыми заберут.

Кира постаралась припомнить женщин с такими именами. Но на транспортнике они все казались ей на одно лицо. Может, и права Муха, но ее откровенная грубость коробила девушку.

– Я не хочу продаваться за мясную похлебку, – тихо проговорила она, глядя на свое отражение в темном стекле. Солнце за окном уже село, и поселок

погрузился во тьму, которую лишь кое-где нарушали яркие точки фонарей. – Это гнусно.

– Гнусно? – Темара даже подскочила от изумления. – Дорогуша, дак ты уже продалась! Когда договор подписывала с «Адаром»! А уж если ты у нас высокоморальная такая, так каким ветром тебя в тюрьму занесло?

– Не важно…

– Раз не важно, то не ломайся. Ишь, цаца выискалась какая. Продаваться она не хочет. Ты уже продалась, вся, с потрохами. Как и все остальные. А кто не хотел продаваться, те сейчас вкалывают на рудниках.

Для Киры адский труд в каменоломнях был еще страшнее, чем неизвестный мужчина, которому ее вот-вот отдадут. Но признаться в этом самой себе было ой, как не просто.

Видимо, что-то отразилось у нее на лице, потому что Темара удовлетворенно произнесла:

– То-то же.

***

В назначенный час за ними пришли.

На этот раз Гарт Рубан был не один, его сопровождали еще трое мужчин. Войдя в барак, они замешкались, чтобы отряхнуть снег: в поселке к вечеру разыгралась метель. Даже сквозь толстые каменные стены было слышно, как воет ветер.

– Ну что, дамы, – помощник командора окинул шеренгу из женщин придирчивым взглядом, – все готовы? Видимость на улице нулевая, так что мы натянули для вас трос. Идти будете цепочкой, по одному. От троса не отходить, иначе заметет так, что следов не останется. И лица хорошо закрывайте, а то носы отморозите.

– Какая забота! – проворчала стоявшая рядом с Кирой Темара, тщательно закутываясь в шубу по самые уши.

Им пришлось совершить короткий марш-бросок между бараком, где их поселили, и ратушей, стоявшей в центре поселка. И хотя путь был недлинным, дорогу осложнил порывистый ветер, бросавший в лицо колючие пригоршни снега.

Кира брела по колено в сугробах, которые наметались буквально за считанные секунды, с трудом переставляя ноги в тяжелых меховых унтах. Толстые варежки покрылись крупинками льда и почти не сгибались, но девушка послушно цеплялась руками за натянутый трос.

Впереди темной громадой возвышалось здание ратуши, насчитывавшее пять этажей. Окна первого этажа заливал желтый свет, в котором плясала белая круговерть. Кира еще никогда не видела столько снега, разве что в старых фильмах. Днем, когда их выгрузили с автотранса, дорога в поселке была расчищена, а теперь ее замело. Днем воздух был сухим и прозрачным, а сейчас вокруг царила кромешная серая пелена, в которой с трудом можно было разглядеть спину идущего впереди человека.

На какой-то миг Кира представила, что теперь ей придется вечно жить в этом ледяном аду. А может, все бросить прямо сейчас? Чего уж проще: отцепиться от троса, сделать шаг в сторону – и все, никто не найдет. Пока снег не растает…

– Шевелись! Не задерживай! – кто-то грубо толкнул ее в спину. – Или жить надоело?

Кира вздрогнула и поспешила преодолеть последние несколько метров до расчищенного от снега крыльца ратуши. Там уже стояли несколько мужчин в теплых тулупах, и у каждого на правой руке был повязан красный платок. А еще у каждого из-за плеча торчал ствол стокера – импульсного ружья. Видимо, это была охрана.

Один из мужчин протянул руку, желая помочь девушке забраться на обледеневшие ступеньки. Но она, буркнув что-то похожее на «спасибо», справилась сама.

Меньше всего ей хотелось, чтобы кто-то из них к ней прикасался.

***

В ратуше было тепло. Кира с облегчением распахнула шубу и даже расстегнула неопреновую курточку, чувствуя, что наконец-то может вдохнуть полной грудью, без боязни захлебнуться летящим снегом. Вслед за потоком женщин она вошла в просторный зал, занимавший часть первого этажа, и не сдержала нервного вздоха.

Здесь уже ждали мужчины. Много мужчин. Кире показалось, что их было не меньше сотни. И все они смотрели на прибывающих женщин с нескрываемым интересом.

– Ну, что я тебе говорила? – оказавшаяся рядом Темара толкнула ее локтем в бок и зашептала прямо в ухо горячим, свистящим шепотом: – Глянь на них! Смотрят так, что вот-вот слюной подавятся. Наверное, уже представляют, как будут делить нас…

Кира невольно сглотнула. Она тоже представила себе эту картину. А ведь одной дележкой дело не закончится. И при мысли о том, что последует дальше, она почувствовала легкую тошноту.

Мужчин в зале было так много, что их присутствие ощущалось почти физически, хотя между ними и женщинами оставалось достаточно свободного пространства. Кира не могла понять, почему они держатся в стороне, а потом догадалась: через весь зал, рассекая его на две равные части, шла невидимая энергетическая стена. Преодолеть ее без вреда для здоровья было очень проблематично. Но в то же время она не мешала обзору, чем мужчины и пользовались.

Девушка зажмурилась, пытаясь отрешиться от происходящего, но она не могла отрешиться от приглушенных голосов и раздевающих взглядов.

Как скоро один из них станет ее хозяином?..

Она еще стояла, зажмурившись и слегка покачиваясь на носках, когда раздался приказ встать в шеренгу. И женщины, цедя ругательства, поспешили его исполнить. Кире пришлось последовать их примеру.

Между тем, гул голосов сменила странная тишина. Кусая губы, девушка бросила в зал настороженный взгляд. Казалось, все мужчины чего-то ждали.

Или кого-то.

Глава 4

Он вошел в зал непринужденным, размеренным шагом человека, обладающего абсолютной властью. Стук его каблуков эхом отозвался в пространстве. И вместе с ним вошло странное, давящее ощущение, от которого Кире стало трудно дышать.

Командор не отличался слишком высоким ростом. Но его невероятная мощь чувствовалась даже на расстоянии. Как и тяжелая, одуряющая аура, под действием которой девушке инстинктивно захотелось сжаться, чтобы стать меньше и незаметнее.

Он двигался не спеша, как человек, которому некуда торопиться, и в каждом его движении чувствовалась завораживающая хищная грация. Словно это был не человек вовсе, а тигр, вышедший на охоту и знающий, что добыча уже не сбежит.

Стоило ему появиться, как весь зал будто сузился до его размеров, а в воздухе повисло тревожное ожидание.

– Командор Ян Донован Хорган! – объявил Рубан уже без всякой усмешки. Лицо помощника было абсолютно серьезным и даже чуть побледневшим.

По шеренге женщин прокатился сдержанный вздох, когда командор приблизился к ним.

Не отдавая себе отчета, Кира облизнула пересохшие губы и поняла, что не в силах отвести взгляд от этого мужчины. Перед ней стоял зверь. Холодный и безжалостный. Он пугал ее и притягивал, как магнит.

Командор Хорган не был человеком в общепринятом смысле слова. Это был дерранг – потомок землян, прошедших сложный процесс генной модификации. Когда-то очень давно его предки лабораторным путем были адаптированы для выживания в суровых условиях дальнего космоса. И сейчас перед ней стоял его результат.

На каменном лице командора выделялись только глаза. Две грозовые тучи под разлетом белых бровей, и казалось, в них вот-вот вспыхнут молнии.

Кира могла бы поклясться, что это первый дерранг, которого она видит так близко. Но когда он заговорил, его голос заставил ее бессознательно вздрогнуть. Не веря своим ушам, она вгляделась в его лицо.

– Приветствую на Ллуре. Теперь это ваш дом. А я здесь бог, царь и отец. Компания «Адар» заплатила за ваши жизни, и это значит, что теперь вы принадлежите этому миру и этой планете.

Голос мужчины, чуть хрипловатый, будто простуженный, негромкий, и в то же время с холодными, властными нотками, напомнил ей смертельный клинок в бархатных ножнах. Тронешь его слегка – почувствуешь мягкость ткани. Сожмешь посильнее – и сталь войдет в плоть, причиняя острую боль.

Это был голос человека, уверенного в своей власти.

Но самым странным было то, что она его уже слышала.

Когда-то давно, кажется, в прошлой жизни, когда еще была жива мама, а Майя, старшая сестра, еще не покинула Землю, чтобы выйти замуж за незнакомца, с которым ее связала всемирная гала-сеть.

Это был тот самый голос, который слал Майе послания с далекой Цереры. Голос ее жениха… Тоже дерранга…

Только тогда он был нежным и ласковым. А сейчас ранил, словно осколки льда.

Между тем, командор остановился напротив Киры, чуть расставив ноги и заложив руки за спину. Его немигающий взгляд впился в нее, подобно прицелу. Черный китель с начищенными до блеска магнитными застежками сидел на нем как влитой, подчеркивая идеальную фигуру, а серебристые лычки на воротнике говорили о высоком статусе. Завязанные в низкий хвост волосы были абсолютно седыми, так же как брови и недельная щетина, покрывающая нижнюю треть лица. Но в то же время он не выглядел достаточно старым, чтобы обзавестись сединой. На вид командору было лет тридцать пять, не больше.

– У вас нет выбора, – повторил он свой приговор. – Единственное, что вам остается, это смириться. Вы никогда не сможете покинуть Ллур или избежать той судьбы, которая вам предназначена. Отныне вы собственность этой колонии и тех мужчин, что вас изберут.

Кира почти не осознавала того, что он говорил. Она скользила взглядом по его лицу, избегая смотреть в глаза, и пыталась понять, обозналась она или нет. Высокие скулы, брови вразлет, правильной формы нос. Квадратный волевой подбородок, покрытый щетиной. Небрежно зачесанные волосы, открывающие нахмуренный лоб и короткие бакенбарды…

Однозначно, она не видела его никогда. Иначе запомнила бы.

Но все это время она ощущала на себе его взгляд.

Командор смотрел на нее в упор, почти не мигая, но так, словно она была пустым местом. И в то же время в его глазах было что-то еще. Что-то темное, глубоко похороненное, спрятанное от всех и даже от себя самого.

В этом мужчине таилась тьма. Кира почувствовала ее каждой клеточкой тела, пока стояла под прицелами его глаз.

Не выдержав, она передернула плечами.

И увидела, как в глазах командора что-то мелькнуло. Нахмурившись, он сделал шаг в ее сторону, еще ближе, и она почти ощутила исходивший от него запах

мороза и снега, когда кто-то выкрикнул с другой стороны шеренги:

– Эй, и как же они будут нас выбирать?

На лице дерранга не дрогнул ни один мускул. Только левая бровь едва заметно приподнялась.

Ни слова не говоря и не меняя позы, он развернулся в сторону нетерпеливой арестантки, и Кира тут же поймала себя на том, что облегченно вздыхает.

Стоило этому мужчине освободить ее от гнетущего взгляда, как она вновь почувствовала, что может дышать полной грудью.

– Компания «Адар» заботится о своих сотрудниках, – тонкие губы командора дрогнули, изображая что-то отдаленно похожее на усмешку. – И вознаграждает за преданный труд. Мой помощник, с которым вы уже имели честь познакомиться, зачитает список мужчин, которым сегодня предоставлено право выбора. Каждый из них выберет женщину, с которой обвенчается. Таким образом, сегодня будут созданы сорок новых семей – будущее этой планеты.

– Прямо так серьезно? Венчаться? А если мне не понравится мужик, которому я достанусь? – на этот раз прозвучал новый голос.

Кира даже невольно выглянула из шеренги, чтобы увидеть реакцию командора. Но его лицо оставалось все таким же бесстрастным, разве что глаза сузились, и от их уголков по вискам растеклись тонкие лучики морщинок.

– Уверена, что хочешь это узнать? Поверь, будет лучше, если тебе понравится тот мужчина, которому понравишься ты. А в качестве свадебного подарка каждому жениху – индивидуальный пульт от ошейника его невесты.

Эти слова прозвучали так беспощадно, что больше никто не смел возражать.

Хорган еще раз окинул шеренгу женщин равнодушным взглядом и отошел в тень, кивком дав понять Рубану, что пора начинать.

***

Они были такими разными: маленького роста и высокие, пухлые и худые, миниатюрные куколки и, что называется, кровь с молоком. Столько женщин в одном месте еще никогда не собиралось на этой планете. Некоторым из них даже шла форменная одежда, которая предназначалась шахтерам. Другие буквально утонули в ней и выглядели смешно. Но для Хоргана они все были на одно лицо. Почти все.

Одна все-таки умудрилась привлечь ненадолго его внимание. Та хрупкая блондинка со скуластым, почти мальчишеским лицом, и рваной челкой, закрывавшей ее глаза. Он заметил, как она волком зыркнула на него. Разве что не оскалилась.

Шахтерская одежда была ей большой, девушка выглядела в ней, как бесформенный колобок. Хорган никогда и не глянул бы в ее сторону. Но ее лицо… Что-то в нем показалось знакомым…

Заостренный подбородок, высокие скулы… Широко распахнутые глаза, кажущиеся слишком большими на худеньком лице.

Такое чувство, что он уже все это видел… Когда-то очень давно. Может, во сне…

Он слышал, как Гарт Рубан начал зачитывать фамилии из своего длинного списка. Вызванные мужчины подходили по одному. Каждый из них прохаживался вдоль строя несколько раз, выбирая себе «невесту». В ответ женщины зазывно улыбались, поглаживали себя, подмигивали, причмокивали губами, посылая воздушные поцелуи. Чем симпатичнее был мужчина, тем больше женщин старались привлечь его внимание.

До Хоргана доносились их шепотки, перемежавшиеся глупым хихиканьем:

– Глянь, какой красавчик!

– Да, я бы такому дала не глядя.

– Что, и бесплатно?

– Не бесплатно, а по любви.

Он едва сдержался, чтобы не сплюнуть.

Все эти женщины вызывали у него только одно чувство – омерзение. Еще недавно они продавали себя за деньги, и здесь тоже боялись продешевить.

Но раз за разом его взгляд оборачивался в сторону той блондинки, что показалась ему знакомой. Хорган ругал себя, пытался сосредоточиться на чем-то другом – и не мог. Мелкая зараза занозой засела в мозгу. Он наблюдал за ее поведением, пытаясь понять, кого же она ему напоминает. Казалось, стоит только вспомнить – и все, этот нездоровый интерес к ней угаснет. Но память не давала ответа.

Между тем командор поймал себя на том, что напряженно замирает всякий раз, когда к этой девчонке приближается очередной «жених». Его внутреннее чутье буквально делало стойку, а дикий зверь, спящий в каждом дерранге, издавал мысленный рык.

Что-то с этой блондинкой было не так.

В ней скрывалась какая-то тайна. И Ян Хорган хотел эту тайну узнать.

***

«Выборы» продолжались уже около часа. Кира устала стоять и переминаться с ноги на ногу, ее все больше мучила жажда. Иногда кто-то из мужчин, проходя мимо, задерживал на ней взгляд, и тогда сердце девушки испуганно замирало. Но потом «жених» все-таки проходил дальше, и Кира позволяла себе облегченно вздохнуть.

Да, Темара была права. Первыми забрали самых упитанных, обладательниц широких бедер и тяжелых грудей. Кира видела, как один из мужчин взял Муху

за руку и повел за собой. Он был выше ее на целую голову, с бритым наголо черепом, но заросший бородой по самые уши. Широкоплечий и могучий, как дуб. Рядом с ним враз присмиревшая Муха казалась маленькой девочкой. А в ее взгляде, брошенном на этого мужика, Кира прочитала столько заискивания и желания угодить, что едва не плюнула вслед.

Ее все это коробило.

Мужчины. Они приносят только боль и разочарование. Когда они появляются в жизни женщины – жизнь летит под откос.

Уж кто-кто, а она это знала.

Во всех ее бедах, и в том, что она сейчас здесь, в этой дыре, виноваты только мужчины.

Сначала, отец, бросивший мать, когда самой Кире не исполнилось даже года. Потом тот ненавистный дерранг, из-за которого погибла сестра, а мама слегла с инсультом. Кира помнила это так, словно трагедия случилась вчера, хотя прошло уже десять лет. А затем ее собственный глупый роман. Именно он стал причиной того, что она теперь здесь…

– Эту! – грубый голос, прозвучавший над самым ухом, заставил девушку вздрогнуть.

Кира подняла растерянный взгляд.

В шаге от нее стоял коренастый старатель. Небольшого роста, широкоплечий, с наметившимся брюшком и довольно кривыми ногами. Его грубоватое лицо было изрезано тонкими шрамами, похожими на следы от огненных искр. И он недвусмысленно указывал на нее коротким, будто обрубок, пальцем с грязным ногтем.

– Назови свой номер, – потребовал Рубан, делая шаг по направлению к девушке.

Кира нахмурилась.

– Что?

– Твой идентификационный номер. Я должен внести тебя в базу данных.

Пару секунд она переводила взгляд с Рубана на коренастого незнакомца, потом, наконец, поняла, что происходит.

Ее выбрали. Этот мужчина со шрамами хочет взять ее в жены! Или в узаконенные рабыни, как кому больше нравится.

– Нет, – она покачала головой и сделала шаг назад.

– Что – «нет»? – на это раз Рубан не понял.

– Я не согласна с выбором.

– А с чего ты взяла, что мне нужно твое согласие? Этот мужчина выбрал тебя, теперь ты собственность Дирка Нейтли.

– Мне плевать! – она потрясла головой, чувствуя, как внутри закипает злость. – Вы не имеете права так поступать со мной! Я подписала договор с компанией. Нам обещали, что здесь у нас будет альтернатива вынужденному браку!

– Поверь, альтернатива тебе понравится еще меньше, – скривился Рубан.

– Сэр, – вмешался тот самый Дирк, хватая Киру за руку. Его ладонь была горячей и потной, и от этого прикосновения девушку бросило в дрожь. – Девчонка норовистая, как молодая кобылка, но я таких даже люблю…

Договорить он не успел. Недолго думая, Кира вцепилась зубами в его ладонь.

Она сама не могла понять, что на нее нашло. Ей казалось, что она уже смирилась со своей участью, уже настроилась покорно принять судьбу. Но стоило только этому мужчине к ней прикоснуться, как волна омерзения едва не заставила ее задохнуться.

Всего на секунду она представила, как этот мужчина будет трогать ее, касаться самых интимных мест. Как будет натужно дышать ей в лицо. Она представила, как он придавит ее к скомканным простыням своим тяжелым, потным телом…

Нет, она не готова себя продавать, даже если от этого зависит вся ее жизнь!

Ее челюсти сжались, входя в мозолистую плоть, в рот хлынул неприятный медный привкус, и тут же тяжелая оплеуха заставила девушку отлететь на несколько метров.

Время словно остановилось. Зал ахнул. Женщины отпрянули, обмениваясь испуганными взглядами, а мужчины, наоборот, подались вперед, чтобы увидеть, чем дело закончится. Кто-то из них засвистел, подначивая товарища проучить строптивую девку. Но никто во всем зале даже не думал за нее заступиться.

– Ах ты, мелкая дрянь! – взвыл несостоявшийся «жених», потрясая прокушенной рукой. – Да я тебя уничтожу!

Опустив голову, словно бык, и сверкая налитыми кровью глазами, Дирк Нейтли пошел на нее. На его побагровевшем лице читалось только одно желание: убить. Размазать по стенке. Растоптать. Его униженное мужское достоинство требовало немедленного отмщения.

– Дирк, успокойся, – Рубан встрял между ними, бросая тревожные взгляды в сторону командора, чье лицо надежно скрывал полумрак. – Или отправишься в карцер. Сам знаешь, девчонку трогать нельзя, она собственность компании. Выбери себе дамочку поспокойнее, а этой мы найдем применение, которого она заслужила.

Мужчина остановился, продолжая бросать на Киру тяжелые взгляды.

– Этих сучек надо сразу учить! – наконец сплюнул он. – Иначе они сядут на голову.

Кира медленно поднялась, сжимая маленькие кулачки. Ей так хотелось ответить что-то злое, жестокое, но Рубан опередил.

– Вернись на место, – прошипел он, подбородком указывая на поредевшую шеренгу, в которой осталось всего десять женщин. – Или мне придется тебя наказать.

Кира нехотя подчинилась. В голове от удара звенело, но это было мелочью по сравнению с тем, что она избавилась от нужды удовлетворять это вонючее животное.

Рубан повернулся к старателю:

– Выбирай.

Тот, нахмурясь, еще раз прошелся вдоль замерших женщин. Каждая смотрела на него с ожиданием. Это был их последний шанс.

– Эту, – его палец уперся в высокую, худощавую блондинку лет тридцати, стриженную под мальчика. Она была выше его на целую голову.

Все остальные обреченно вздохнули.

– Что ж, – Гарт Рубан заглянул в свои списки, – на сегодня все.

– А мы? – робко откликнулась одна из тех, кто остался стоять. – Что будет с нами?

– Вас отведут обратно в барак. Командор Хорган приказал организовать там публичный дом, чтобы остальные мужчины тоже могли получить разрядку, когда им захочется.

Глава 5

Публичный дом? Она не ослышалась?

Чувствуя, как подгибаются ноги, Кира обессиленно прислонилась к стене.

Значит, это и есть их обещанная альтернатива? Стать женщиной общего пользования? Что ж, она должна была догадаться…

Нет, паники не было, девушку охватила всепоглощающая усталость. И вместе с ней пришло ощущение безысходности. В этот момент Кира почувствовала себя зверьком, попавшим в капкан.

Губы девушки задрожали, но она сильнее стиснула зубы.

Нет, они не дождутся, чтобы она начала плакать и умолять. Никто не дождется! Потому что в жестоком мире мужчин женские слезы бесполезны.

Если она хочет выжить, ей придется быть сильной.

– Забирайте! – Рубан кивнул группе вооруженных мужчин, которые должны были следить за порядком в зале.

Это были те самые, с импульсными ружьями, что сопровождали арестанток в барак, а потом в ратушу. Но ни один из них не шевельнулся, когда Нейтли ударил ее. Они просто смотрели, как все остальные, и ждали.

Чего они ждали?

Невесело усмехнувшись, Кира смотрела, как они приближаются. Неспешно, почти вразвалочку, уверенные в своей силе и в том, что никто не посмеет сопротивляться.

И действительно, девять оставшихся женщин покорно позволили согнать себя в кучу, чтобы следовать за конвоирами обратно в барак. Один из них щелкнул пальцами, подзывая Киру, стоявшую в стороне, будто она была собачонкой. И от этого жеста девушку захлестнуло негодование.

Замотав головой, она сильнее вжалась в стену. Быстрый взгляд по сторонам дал понять, что никто не придет ей на помощь, никто не заступится. Все, кто был в зале, уже разошлись. Осталась лишь горстка никем не выбранных женщин и

десяток вооруженных мужчин, которые, судя по их ухмылкам, собирались стать первыми клиентами новоиспеченных жриц любви.

Хотя, почему же новоиспеченных?

В отличие от Киры, они и раньше не брезговали торговать своим телом. Для них вряд ли что-то изменится…

– Эй, тебе что, особое приглашение нужно?

– Я никуда не пойду! – процедила она, сжимая кулачки. Но ее голос прозвучал очень жалко, пискляво. – Это противозаконно! Проституция запрещена на территории Земного Альянса!

В ответ ей раздался хохот нескольких глоток.

Смеялся Рубан, покачивая головой, словно она сказала что-то забавное. Смеялись конвойные. Только на лицах подруг по несчастью Кира прочитала тревогу. Одна из них за спиной помощника командора жестами показывала ей, чтобы заткнулась. Но Кира не собиралась молчать. Как и становиться подстилкой для этих самцов.

– Девочка, ты где, по-твоему, находишься? – все еще смеясь, осведомился Гарт Рубан. – На светском приеме? Не спорю, может, у вас на Земле проституция и запрещена законом. Но здесь, на Ллуре, есть только один закон – приказ командора. А он приказал отправить всех, кто останется, в барак. Так что не сопротивляйся и иди сюда. Если будешь послушной, я, так и быть, дам тебе отдохнуть до завтра, как и твоим подругам. В противном случае, тебе придется принять первых клиентов уже… – Он глянул на мультитронный ксанар на запястье. – Да уже через час. Как раз дневная смена вернется…

– Мне все равно. Я читала договор. Там ничего не сказано о проституции!

– Зато там сказано, что ты собственность компании «Адар». И твоя жизнь сейчас напрямую зависит от твоего хорошего поведения. Забирайте ее! – последний приказ относился к конвойным.

Двое из них попытались схватить Киру за плечи, но она ждала чего-то подобного. Словно змея, вывернулась из жадных, тянущихся к ней рук. Прошипела:

– Не смейте ко мне прикасаться!

И тут же один из конвойных, оказавшись за ее спиной, локтем зажал девушке горло.

Она почувствовала, как в шею уперся конец энергошокера – маленькой, размером с карманный фонарик, но очень болезненной штуки, которая била по нервам на уровне ультразвука. Как свободной рукой мужчина провел по ее талии, а потом ущипнул за ягодицу, и его дыхание изменилось, стало прерывистым. А в поясницу Кире уперлась его твердая плоть, которую не могли скрыть даже слои одежды.

Еще секунда – и довольно чувствительный импульс заставил ее скрутиться от боли.

Задыхаясь от гнева и унижения, она упала на пол. Сквозь зубы, сведенные судорогой, вырвался слабый стон.

– Ну? – над ней нагнулся Гарт Рубан, и его глаза рассерженно сверкнули. – Теперь успокоилась?

Кира хотела плюнуть ему в лицо, но вместо этого смогла издать только полузадушенный хрип. Импульс энергошокера был настолько сильным, что теперь она почти не чувствовала собственные конечности. Тело в один момент перестало ей подчиняться. Только в глазах продолжало светиться бессмысленное упрямство.

– Вижу, не успокоилась, – Рубан покачал головой. – Что ж, не хотелось портить твою шкурку, но ты не оставляешь мне выбора. Придется тебя наказать. Заодно и другим будет наука. Вставай! – он вздернул ее на ноги.

Но едва чужие руки отпустили ее, она снова упала.

Тогда мужчина, недолго думая, просто схватил ее за лодыжку и поволок, обдирая бока девушки о шершавые плитки пола.

Кира кричала, дергалась, как червяк на крючке, пытаясь остановить эту пытку. Она отчаянно упиралась, цепляясь руками за пол и чувствуя, как ломаются ногти.

Она не могла поверить, что этот кошмар происходит на самом деле. Что ее несчастья не кончились. Что договор, который она подписала, надеясь спастись от тюрьмы, отправил ее в настоящий ад. Что в этом аду у нее нет никаких прав, а ее тело – собственность компании, и компания может использовать его, как пожелает.

– Хватит!

Холодный, негромкий голос произвел эффект разорвавшейся бомбы. В зале моментально установилась звенящая тишина. И из полумрака, скрывавшего отдаленный угол, выступила высокая тень.

Хорган.

Кира бросила на него ненавидящий взгляд сквозь пряди волос, упавшие на лицо. После душа она тщательно завязала их в плотный узел на затылке. Но во время борьбы волосы растрепались, и теперь рассыпались по плечам золотистым руном.

Рубан тоже остановился, продолжая сжимать лодыжку девушки мертвой хваткой.

– Отпусти ее, – приказал командор, подходя ближе.

Его ледяной взгляд переместился с Гарта на Киру.

– Сэр, эта заключенная нарушает…

Хорган жестом приказал ему замолчать. Потом неторопливо приблизился и, поддернув форменные брюки, присел на корточки возле Киры.

Его движения были спокойными, голос – негромким, но когда он навис над девушкой, та почти перестала дышать. Ее побледневшее лицо отразилось в его глазах, похожих сейчас на зимнее небо – таких же серых и непроницаемых. Она не увидела в них ни единой эмоции, ни единого чувства. Казалось, это был не живой человек, а робот, которому чужды любые волнения.

Под этим бесстрастным взглядом девушка сжалась, опуская ресницы. И почувствовала, как внутри зарождается мелкая дрожь.

Этот мужчина подавлял одним своим видом.

Стоило ему только приблизиться к ней, как она почти физически ощутила давление его ауры – властной, холодной, как сталь, и такой же опасной. Ее охватило желание сжаться в комок, стать еще меньше и незаметнее, забиться в самый дальний угол…

Сверкающие магнитные застежки командорского кителя притянули растерянный взгляд, и Кира поняла, что не сможет заставить себя посмотреть выше. Не сможет еще раз взглянуть в лицо этому человеку.

Пару минут Хорган просто рассматривал ее, будто редкостный экземпляр. Потом осторожно, двумя пальцами, поднял светлую прядь и, сжав в кулаке, поднес ее к носу. Его хищные ноздри раздулись, втягивая в себя аромат. И Кира услышала, как где-то в груди командора прозвучал сдавленный рык.

Ее горло сжал болезненный спазм. Воздуха вдруг стало мало. Так мало, что она начала задыхаться и невольно схватилась за свой ошейник. Ей показалось, что это он душит ее, послушно сжимаясь под пристальным взглядом дерранга. Сердце Киры застыло, пропуская один удар, а потом помчалось вскачь, впрыскивая в кровь дозу адреналина.

Но Хорган, будто не замечая состояния девушки, сжал ее подбородок и повернул к свету. Его колючий взгляд прошелся по ее лицу, отмечая каждую черточку.

Внезапно глаза командора сузились, превращаясь в две щели. Он пальцем коснулся ссадины на ее губе, и от его прикосновения девушку словно пронзил разряд тока.

Вздрогнув, она попыталась отпрянуть, но хватка командора оказалась железной.

– Что это?

Не зная, что сказать, Кира судорожно вздохнула.

– Сэр? – Гарт тоже нагнулся над пленницей. – Ссадина старая, наверно, с «подругами» что-то не поделила.

Хорган, будто не слыша его, разглядывал девушку, продолжая машинально поглаживать ее по губе большим пальцем.

– Как твое имя?

Она непонимающе моргнула.

Имя? Зачем ему знать ее имя? Разве она не должна представляться теперь идентификационным номером? И с чего такой интерес к ее скромной персоне? Что-то не помнится, чтобы сэр командор встрял, когда тот ублюдок ударил ее… Зато теперь, судя по сузившимся глазам, ему явно не понравилась старая ссадина…

– Ты меня слышишь? – Хорган склонился над ней еще ниже, заглядывая в глаза, и Кира едва не зажмурилась от волны терпкого мужского аромата, ударившей в ноздри.

– Д-да…

– Как твое имя? Не заставляй меня повторять.

Его голос не изменился ни на йоту, но пальцы сжались сильнее, почти причиняя боль. Каким-то шестым чувством Кира уловила возникшее в нем напряжение. Командор будто ждал удара из-за спины.

– К-кира… Кира Догилева… – почти промычала она, пытаясь избавиться от его хватки.

– Ты с Земли? Город-122?

Она машинально кивнула, не успев удивиться.

И в тот же момент он ее отпустил.

Поднявшись и уже не глядя на девушку, Хорган коротко бросил:

– Эту – ко мне.

– Сэр! – смешался Рубан, переводя взгляд с командора на пленницу. – Да она же бешеная! Чуть не загрызла Нейтли…

– Значит, займусь ее воспитанием.

Ни разу не оглянувшись, Хорган покинул зал.

И только когда за ним захлопнулась дверь, Кира почувствовала, что снова может дышать полной грудью.

Несколько мгновений она продолжала лежать, хватая ртом воздух и не зная, радоваться такому повороту событий или готовиться к новой борьбе. Кажется, в последнее время вся ее жизнь превратилась в череду сражений с самой собой и с окружающим миром. Потом села и растерянно огляделась.

– Откуда он знает? – прошептала она непослушными губами, не ожидая услышать ответ.

– Знает – что? – переспросил Рубан, что-то помечая в планшете.

– Из какого я Города… Этой информации нет в моем досье, я это точно знаю.

– Видимо, у командора есть свои источники информации. Все, хватит болтать, – он закончил делать пометки и раздраженно дернул ее за шиворот. – Шевелись!

Послав ему яростный взгляд, Кира поднялась.

Что ж, один мужчина, хоть и такой пугающий, это лучше, чем пара сотен оголодавших без женщин старателей. С одним она как-нибудь справится. В конце концов, справлялась же до сих пор!

Послав Рубану кривую гримасу, Кира встала и отряхнула одежду.

***

Выйдя из зала, Хорган несколько минут стоял в коридоре, пытаясь справиться с охватившим его волнением. Потом быстрым шагом направился в кабинет. Его пульс тревожным набатом стучал в висках, перекрывая все другие шумы, кроме стука собственного сердца. И все, чего сейчас он хотел – это укрыться от чужих глаз и побыть одному.

Там, в зале, когда он заглянул в глаза той девчонке, ему показалось, что он заглянул в глаза своей бездне. Он увидел в них то, чего ему не стоило видеть. То, что давно и прочно похоронил в глубине своей памяти.

Или думал, что похоронил.

Девушка. Интуиция не подвела. Он действительно был с ней знаком, точнее, с той, кто была на нее очень похожа…

Майя…

Он не заметил, как произнес это имя вслух. Сначала шепотом, пробуя его звучание на вкус. Потом чуть громче, перекатывая на языке и чувствуя, как по телу до самых кончиков пальцев пробегает нервная дрожь.

Майя…

Всего два коротких, непритязательных слога.

Но они отозвались внутри глухой болью. Будто кто-то сковырнул старую рану, уже успевшую зарубцеваться. И снова, как и много лет назад, ему захотелось разорвать свою грудь, чтобы выпустить эту боль на свободу…

Сколько лет он не позволял себе даже думать о ней?

Его русоволосая, смешливая майская девочка с сумасшедшинкой в зеленых глазах. Такой он ее запомнил.

У той, в зале, глаза тоже зеленые, но другие. Опасные. Взгляд настороженный, дерзкий. Это взгляд дикой пантеры, готовой защищать свою жизнь до конца. В ней словно горит огонь – неукротимое, жгучее пламя, которое уничтожит любого, кто решит его приручить.

А у его Майи в глазах плескалось бескрайнее море, такое, каким он его всегда представлял. Спокойное и безмятежное. В ней не было дерзости, не было непокорства. Она была мягкой, послушной и ласковой девочкой. Его половинкой…

Если только у дерранга вообще может быть половинка.

Закрывшись в кабинете, он первым делом открыл бар и, не задумываясь, плеснул себе в бокал щедрую порцию коньяка.

Напиток стоял здесь уже так давно, что плечики бутылки покрылись слоем пыли. Это был настоящий коньяк, доставленный с Земли. И он стоил целое состояние. Но сейчас был именно тот момент, когда Хоргану было все равно, что пить, лишь бы что-то покрепче.

Одним махом он опустошил бокал и снова наполнил его почти до краев. Огненная жидкость заструилась по горлу, обжигая, и в то же время проясняя сознание.

Сделав новый глоток, командор сжал бокал в кулаке, подошел к окну и прислонился к стеклу, надеясь охладить пылающий лоб.

И тут же понял, что сделал это напрасно.

Метель в поселке уже улеглась. Снегопад прекратился, и небольшая площадь перед ратушей была сейчас видна, как на ладони, в свете трех лун и неоновых фонарей.

По этой площади в полном молчании двигалась вереница людей. Десять женщин, закутанных в тяжелые шубы, волочившиеся по снегу, и пять мужчин, во главе которых шагал Гарт Рубан, используя импульсное ружье в качестве посоха.

Но не он привлек внимание командора.

Женщина, которая шла последней, с трудом переставляя ноги, увязавшие в глубоком снегу, вдруг обернулась. Словно что-то почувствовала.

Хорган удивленно отстранился от стекла. Даже не видя ее лица под низко натянутым капюшоном, он понял, что это она.

Кира.

Девчонка, из-за которой он здесь пьет в одиночестве и пытается обуздать своих демонов.

Между тем взгляд девушки заметался по темным окнам ратуши, будто что-то ища. Или кого-то.

Где-то глубоко-глубоко в душе, там, куда он сам опасался заглядывать, Хорган представил, что она ищет его. И почувствовал, как грудь сдавили тиски.

Его сердце заныло.

Не в силах отвести глаз от одинокой женской фигурки, застывшей на белом фоне, он залпом отправил в себя вторую порцию коньяка и обессиленно привалился пылающим лбом к стеклу.

Внутренний зверь поднял голову и тоскливо завыл.

Призраки, которых Хорган когда-то надежно похоронил, снова вернулись.

Глава 6

Стоило маленькому отряду пересечь площадь и выйти на единственную в поселке дорогу, которая вела от ратуши к космопорту, как Рубан остановился и подождал, пока Кира поравняется с ним. Она уже хотела прошмыгнуть мимо него и свернуть на узенькую тропинку, протоптанную в снегу. Ту самую, по которой они сегодня шли в ратушу. Но мужчина цепко ухватил ее за рукав.

– Куд-да, – раздался над ухом его гортанный голос, приглушенный поднятым воротником. – Ты, дорогуша, идешь со мной. Забыла, что сказал командор?

Она рывком освободилась от его хватки, но промолчала. Только бросила в сторону уходивших товарок сочувственный взгляд.

Они шли цепочкой, одна за другой, такие смешные и нелепые в этих толстых, бесформенных шубах. Но в их чуть сгорбленных спинах, в опущенных плечах и безвольно повисших руках чувствовалась обреченность.

Женщины, которых не выбрал никто. Женщины, которые станут общественной собственностью. И она должна была стать одной из них, разделив одну участь на всех. Командор Хорган избавил ее от этого кошмара. Должна ли она быть ему благодарной?

Наверное, должна. Но, странное дело, Кира не испытывала даже намека на благодарность. Наоборот, она готовилась к битве. Готовилась отстаивать свою независимость даже перед этим мужчиной, который уже в первую встречу дал ей понять, что она для него никто. Мусор. И от которого теперь зависела ее жизнь.

– Долго будешь стоять? – недовольно осведомился Рубан. – Или жалеешь, что тебе с ними не по пути? Так не стесняйся, скажи, я тебя быстро определю обратно в барак.

– Да? – ее побелевшие от мороза губы сложились в кривую усмешку. – А что командору своему скажешь?

– Да уж найду, что сказать. Если ты решила, что он на тебя глаз положил, то могу успокоить: Хорган – дерранг, а у них особые отношения с бабами.

– И какие же?

– А это сама скоро узнаешь. – Он с внезапной злостью шлепнул ее прикладом пониже спины. – Шевели ногами, я не собираюсь здесь ночевать!

Прошипев в его сторону пару нецензурных проклятий, Кира нехотя подчинилась.

***

Четыре месяца тюрьмы не прошли для нее даром. Прежде тихая, хорошо воспитанная девушка из приличной семьи изменилась. Превратилась в колючий комок, готовый встретить иголками любого, кто посмеет к нему прикоснуться. Она научилась огрызаться и стоять за себя. В тюрьме невозможно было иначе. Либо кусаешь ты, либо кусают тебя.

Иногда Киру посещали мысли: а как бы отнеслась мама к таким изменениям? Или Майя… Они одобрили бы то, во что она превратилась?

Ответ был очевидным, но она гнала его от себя. Запрещала себе думать об этом, потому что с такими мыслями приходили и муки совести. А Кира не хотела чувствовать себя виноватой. Она с детства ненавидела, когда ее стыдили за какие-то проступки. И даже став взрослой, она продолжала искать оправдания собственным действиям, как бы нелепо они ни звучали. Она готова была закрыть глаза на что угодно и врать самой себе, лишь бы избавиться от чувства вины.

Но последнее время это чувство стало ее вечным спутником.

Дорожка к дому командора, как и единственная улица в поселке, была расчищена. Снегоуборочный рейзер проехал мимо припозднившихся путников,

посигналив огнями. И Рубан в ответ поднял руку, приветствуя водителя, невидимого за темными стеклами.

Кира только презрительно хмыкнула: надо же, здесь дорогу быстро расчистили, ждать до утра не стали. А что насчет тропинки к бараку? Или жаждущие женской ласки горняки сами будут топтать сугробы?

На крыльце Рубан замешкался, отыскивая ключи. Здесь они представляли собой магнитные карты, такие маленькие, что легко могли уместиться в ладони. У помощника командора была целая связка таких карт, нанизанных на большое кольцо, пристегнутое к поясу. И каждая из них поблескивала тусклым металлом.

Пока он искал нужный ключ, перебирая карты и ругаясь себе под нос, Кира подняла голову и осмотрела фасад командорского дома.

Всего два этажа. На первом – вместо окон крошечные бойницы, забранные темным стеклом. На втором – уже окна побольше, оснащенные защитой от сильного ветра и града. Сейчас в них не светилось ни единого огонька. Они казались слепыми глазницами на сером, каменном фоне.

И в этот момент ей стало не по себе. Девушку охватило внезапное беспокойство, причину которого она не могла себе пояснить.

Оглянувшись, она бросила взгляд на пустынную улицу. Перед ней, насколько хватало глаз, был только снег. Огромное, бесконечное снежное поле до самых скал, покрытых вечным туманом. Мир, в котором ей теперь предстоит выживать.

– Здесь так всегда? – поежившись, прошептала она.

– Как? – Рубан бросил на нее хмурый взгляд.

– Так холодно…

– Нет, чем ближе к экватору, тем климат теплее. Не намного, конечно, но и здесь скоро снег начнет таять. Вот увидишь, сегодняшняя метель – одна из последних.

– А солнце?

– Что – солнце?

– Здесь всегда так темно?

– Про полярную ночь слышала?

– Нет…

– Тебе повезло.

Он вставил нужную карту в отверстие для ключа и провел. Раздался чуть слышный щелчок, и дверь приоткрылась. Рубан толкнул ее сильнее, распахивая перед Кирой, и отвесил девушке шутовской поклон:

– Прошу, мадам, в ваши хоромы. Сиди тихо, нигде не лазь! А то я таких, как ты, знаю. Тащите все, что плохо лежит.

Она едва сдержалась, чтобы не ответить ему в том же духе. Но вместо этого подергала за ошейник.

– Может, снимешь уже? Куда я отсюда сбегу?

– Не могу, – Рубан пожал плечами, – приказа не поступало.

– И сколько мне с этим ходить?

– А это зависит уже от того, насколько ласковой ты будешь с командором.

Он явно наслаждался ее унижением.

Чертыхнувшись, Кира шагнула через порог. И застыла, когда дверь за ее спиной затворилась с легким щелчком.

Вокруг стояла кромешная тьма.

Сглотнув, она вытянула руки вперед и сделала первый шажок, боясь наткнуться на невидимую преграду. Потом еще шажок, и еще. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и Кира поняла, что впереди светлеет какое-то пятно. Уже смелее она направилась к нему и через несколько шагов оказалась в довольно просторной комнате, чьи стены скрывала густая тень, а центр был освещен лунным светом, струившимся в крошечное окошко-бойницу.

Здесь она позволила себе облегченно выдохнуть и осмотреться.

В помещении было довольно тепло. Немного подумав, девушка расстегнула шубу, а потом и совсем сбросила ее с плеч на скромный диванчик, обнаруженный у стены. И тут же вверх взвился целый столб пыли.

Кира чихнула.

Какую бы роль не играло это помещение в доме командора, им явно давно не пользовались.

Все так же пробираясь на ощупь, она начала изучать пространство. Пройдя вдоль стены, добрела до еще одного дверного проема. Там обнаружилась лестница из синтетической древесины с широкими ступенями и точеными перилами.

Со своего места Кира видела только один пролет, упиравшийся в стену с большим, хорошо освещенным окном. За стеклом висел диск самой крупной луны – Альвриса. Девушка немного замешкалась, любуясь ночным светилом, но тут же вспомнила, что ей предстоит любоваться этой луной тринадцать месяцев в году, и ее восторг поутих. Уже без прежнего энтузиазма она поднялась по лестнице, попутно расстегивая курточку.

На втором этаже было намного светлее. Здесь Кира обнаружила еще несколько комнат, но все они, кроме одной, были заперты. Она несколько минут безуспешно пыталась открыть двери, одну за другой, пока, наконец, не наткнулась на ту, что открылась.

Дверь медленно отворилась, издав тихий скрип. И девушка замера на пороге, изумленно осматривая открывшийся вид.

Перед ней была спальня. Об этом ясно говорила многофункциональная кровать в центре, занимавшая большую часть помещения. Она выглядела такой необъятной, что на ней с легкостью разместились бы пять человек.

Темная, суровая и лаконичная, такая же, как ее хозяин.

В эту минуту серебристый столб света из окна падал прямо на ее изголовье, где лежали подушки. На одной из них отпечатался след головы. Темное стеганое покрывало было словно отброшено небрежной рукой. Простыни скомканы. Кто-то спал здесь и ушел, не заправив постель.

Это мог быть только Хорган.

Воображение Киры тут же нарисовало командора. Как он лежит, вытянувшись во весь свой немаленький рост, заложив руки за голову, и рассматривает потолок. Она даже представила его лицо: резкие, немного хищные черты, подчеркнутые полярным загаром, вечно нахмуренный лоб, непроницаемый взгляд…

Но почему-то на этой картине его рубашка была небрежно расстегнута, и из-под нее виднелось его крепкое мускулистое тело. Гладкое и прохладное, как у всех деррангов.

Невольно сглотнув, Кира переступила порог и сжала вспотевшие кулачки. Дверь за ее спиной с тихим стуком закрылась.

Девушка вздрогнула.

Ее охватило стойкое ощущение, что она нарушает чужое пространство. Что ей не стоит быть здесь, в этой комнате. Видеть эту кровать – символ одиночества и равнодушия командора к своему собственному комфорту. Что она здесь незваный гость.

Кира с трудом сдержала желание немедленно выйти. Да и куда ей идти? На втором этаже все комнаты заперты, а на первом вообще кромешная тьма. Ни один фотосенсор не среагировал, пока она пробиралась в потемках. И что-то подсказывало, что таких штук этот дом даже не знает.

Тяжело вздохнув, она огляделась. Кроме кровати в комнате была еще какая-то мебель – ее очертания выступали из полумрака. Но рассматривать обстановку уже не хотелось. Кира внезапно почувствовала себя полностью опустошенной. С момента побудки на транспортере прошло уже восемнадцать земных часов, и за все это время она почти не присела, да и ела только один раз, в бараке. Но только теперь, оказавшись загнанной в угол, она поняла, что смертельно устала.

Не глядя по сторонам, девушка добрела до кровати и села. Точнее, рухнула, потому что ноги отказались держать. А затем, немного поколебавшись, свернулась комочком на самом краешке.

Пусть командор думает, что захочет. Она слишком устала, чтобы бояться.

Кира не знала, вечер еще, или уже глубокая ночь. Ей просто хотелось, чтобы этот сумасшедший день наконец-то закончился. Где-то внутри теплилась надежда, что завтра все будет иначе. Но в этот раз не было сил врать даже самой себе.

Завтра ничего не изменится. Выхода нет, только не в ее случае.

Она купила билет в один конец и заплатила за него своей жизнью. Теперь эта холодная ледяная планета – ее дом. А неприветливый мужчина, которому принадлежит этот дом – ее новый хозяин. Она вся в его власти. Он вправе казнить ее или миловать. Использовать ее тело так, как ему захочется, или отдать другим. Она не выбирала такую судьбу. Но и не в силах ее изменить.

Остается только смириться и жить с этим дальше.

Но что-то внутри протестовало против такого расклада.

***

Хорган вернулся домой только под утро.

Едва перешагнул порог, как чужое присутствие ударило в нос, буквально сшибая с ног.

Девчонка!

Она была здесь, в его доме!

Он сам приказал доставить ее сюда. Но не учел, что она будет так возбуждающе пахнуть. Вчера вечером, в зале, где собралось две сотни человек, ее запах затерялся на фоне других. Но сейчас ее аромат витал в воздухе, дразня обоняние и мужское желание.

Он потянул носом, осторожно вдыхая и пропуская его через себя.

Чистый, как первый снег. Теплый и мягкий, словно корица. Легкий, как дуновение ветерка. Этот запах вошел в его легкие и растекся по телу сладкой патокой, пробуждая забытые ощущения.

Хорган застыл на месте, давая себе возможность насытиться. Тело дерранга отозвалось на запах женщины, как хорошо настроенный инструмент отзывается на прикосновение музыканта. Потом он небрежным движением захлопнул дверь.

Легкий стук сообщил, что ловушка захлопнулась. Теперь она вся в его власти.

Скинув куртку, он направился вверх по лестнице. Под его хищной поступью не скрипнула ни одна половица. Он двигался так, словно зверь, вышедший на охоту. Да он и был зверем – деррангом, созданным, чтобы завоевывать и подчинять.

Запах девушки привел его к спальне.

Хорган тихо выругался сквозь зубы.

Она, в его кровати…

Это было похоже на приглашение.

Всю ночь он повел в кабинете без сна, заливая дешевым пойлом тяжелые мысли.

Нет, сначала он пил коньяк, но бутылка очень быстро закончилась, а они не думали отступать. Раз за разом он возвращался к тому, что случилось в зале. К той, что заставила всколыхнуться непрошеные воспоминания. Глотая бокал за бокалом, он надеялся прогнать ее из своей головы. Но чем больше он пил, тем четче из глубин памяти выступали ее отчаянные глаза, и тем сильнее становилось ее сходство с той, кого он потерял…

И сейчас он знал, что она там, в его спальне. Думает о нем, ждет его и дрожит. Даже стоя под дверью, он слышал, как она прерывисто дышит, ощущал ее нервозность и страх.

Он представил, как она нервно мнет подол своей куцей маечки. Как ее взгляд мечется по комнате, ища, куда бы забиться, и не находя ни единого укромного уголка. Как вздрагивают пухлые губы, пытаясь сдержать беспомощный всхлип. Как бешено бьется сердце.

Сердце загнанной лани.

Скоро он сожмет ее в своих руках и поймет, так ли она хороша, как ему представляется…

Глава 7

Когда Кира проснулась, за окном царила кромешная темнота. Но внутренние часы подсказали: прошло не меньше восьми часов с момента, как она заснула, точнее, буквально вырубилась в командорской кровати.

Еще плохо соображая, где она и что происходит, девушка потянулась, прогибаясь в пояснице, как сытая кошка. Впервые за последние несколько месяцев она чувствовала себя такой отдохнувшей. Ее тело было расслабленным, а мысли текли неспешной рекой.

Пока странный звук извне не заставил ее испуганно вздрогнуть.

Кто-то бесшумной походкой приближался к спальне по коридору. Она не слышала звука шагов, но на каком-то подсознательном уровне ощутила надвигавшуюся угрозу.

Хорган. Это мог быть только он.

Кто еще посмеет проникнуть в дом командора?

Кира застыла, напряженно вслушиваясь в звенящую темноту. Ее вмиг вспотевшие руки смяли прижатое к груди одеяло. Только теперь она поняла, что опрометчиво скинула с себя почти всю одежду. Сейчас ее наготу прикрывали лишь майка, да плотные шорты-трусы.

Почти не дыша, она посмотрела вниз.

Так и есть, вся одежда валяется на полу бесформенной массой.

Тихонечко чертыхнувшись, девушка потянулась за ней.

И в этот момент резкий удар заставил дверь распахнуться.

В комнату хлынул свет.

Кира беспомощно заморгала, ослепленная ярким потоком. Перед ней, замерев в проеме двери, стоял Хорган. Свет падал на него со спины, освещая небрежную позу, с которой командор привалился к косяку, и в то же время лицо дерранга оставалось в тени.

Это пугало.

Кира нервно сглотнула застрявший в горле комок.

– С-сэр… извините, я…

Сбитая с толку его появлением, она даже не поняла, за что собирается извиняться. За свой полуодетый вид? Или за то, что без спроса залезла к нему в кровать?

Он остановил ее, приложив палец к губам.

Но от этого простого, и в то же время двусмысленного жеста, по ее спине пробежала мелкая дрожь.

– Чш-ш-ш, – тихо произнес он, перешагивая порог, – не нужно ничего говорить…

Дверь захлопнулась, на мгновение погрузив комнату в темноту. А потом раздался хлопок, и над головой девушки вспыхнула россыпь крошечных светодиодов, встроенных в потолочные плиты.

Слабый молочный свет озарил кровать со сжавшейся девушкой, и мужчину, замершего в нескольких шагах от нее.

Только теперь Кира смогла увидеть его лицо. Бледное, напряженное, с капельками испарины, поблескивавшей на висках, и растрепанными, выбившимися из хвоста волосами.

Одежда мужчины так же была в беспорядке: китель распахнут, а из-под него неряшливо торчала форменная сорочка с расстегнутым воротником.

Судя по помятому виду, командор провел бессонную ночь.

– Мне нравится, как ты пахнешь, – по тонким губам мужчины скользнула бесцветная улыбка, приоткрыв белоснежные, чуть заостренные зубы. Его ноздри затрепетали, с шумом втягивая в себя воздух. – В этом доме никогда не пахло женщиной.

Кира буквально окаменела, вжавшись спиной в изголовье. В ее голове вихрем пронеслись хаотичные обрывки познаний о деррангах.

Что она знала о них? Не так уж и много.

Это были потомки «измененных» людей, обладавшие способностью адаптироваться к любым условиям экзопланет. Несколько веков назад, еще до Катастрофы, их именно для этого и создали. Чтобы они осваивали другие планеты и подготавливали их для обычных землян. У деррангов существовала своя, никому не понятная иерархия, внутренние законы, и практически полная нечувствительность к боли.

А еще, если Кире не изменяла память, у деррангов были сложности с размножением. Что-то связанное с совместимостью партнеров на генетическом уровне. Но это была совсем не та проблема, которая должна была волновать ее в этот момент.

Хорган был пьян!

Это стало понятно, едва он оттолкнулся от косяка и сделал пару небрежных шагов в ее сторону. Стойкая волна перегара заставила девушку сморщиться, но больше всего ее встревожили его глаза с расширенными зрачками, почти поглотившими дымчато-серую радужку. В них застыл пугающий голод.

Нет, Хорган хотел не есть. Это был голод совсем иного толка.

И когда Кира это поняла, она сделала единственное, что пришло в голову. Вскочила с кровати, одновременно пытаясь обмотать себя одеялом. Ее охватил инстинктивный страх женщины, знавшей только одного мужчину.

– Сэр, – голос девушки предательски дрогнул, – позвольте, я выйду.

Глупо, очень глупо было вообще заходить в его спальню! Лучше бы она подождала его внизу, на том пыльном диване.

– Зачем? – на его лице появилось искреннее удивление. – Куда ты пойдешь?

От справедливости этого заявления у нее защемило в груди.

Он прав. Ей некуда идти. Если она хочет выжить в этом мире, ей придется остаться и подчиниться ему.

Но это легче сказать, чем сделать.

Кира сама не поняла как, только Хорган вдруг оказался опасно близко. Так близко, что она, испуганно вскинув руки, уперлась ладонями ему в грудь. И та оказалась твердой, словно под плотной тканью кителя были не плоть и кровь, а сталь и бетон.

Хорган навис над девушкой, пожирая голодным взглядом ее лицо. Его широкие плечи загородили весь мир. Он был таким большим, таким мощным, что Кира по сравнению с ним казалась хрупкой тростинкой.

Слишком поздно она поняла, что ей не справиться с ним.

С неуловимой грацией хищника он сделал шаг, второй, третий, тесня ее обратно к кровати. И девушка вынуждена была подчиниться этому натиску.

Хорган остановился только тогда, когда добровольной жертве уже некуда было отступать. Бортик кровати уперся ей чуть ниже бедер.

Кира почти перестала дышать. Хорган был так близко, что его дыхание, наполненное алкогольными парами, коснулось ее щеки. Не выдержав, она зажмурилась и почувствовала, как его палец прикоснулся к ее дрожащим губам. Он прошелся по ним с неожиданной лаской, вынуждая девушку гулко сглотнуть.

– Ты прекрасна, – сквозь шум в ушах услышала она его хриплый, прерывистый голос. – Моя майская девочка…

А потом он легонько толкнул ее.

***

Кира упала навзничь, издав легкий вскрик. И тут же тяжелое тело командора придавило ее к постели, лишая движения. Хорган подмял ее под себя. Сдавил с такой силой, что Кира невольно охнула. А затем уткнулся носом ей в шею, втягивая в себя запах девушки.

Она потрясенно лежала под ним, чувствуя, как наливается и твердеет его член, упиравшийся ей прямо в промежность. Слыша, как он шумно дышит, вдыхая запах ее тела.

Не думая, что причиняет ей боль, Хорган вдруг застонал. Глухо, протяжно. Словно смертельно раненый зверь. И его горячие мозолистые ладони по-хозяйски пробрались под ее маечку. Они заскользили вверх по спине, изучая каждый сантиметр, потом вниз и облапили ягодицы, вынуждая девушку выгнуться навстречу мужскому телу.

Растерявшись, Кира позволила Хоргану сорвать с нее одеяло. Мысль о сопротивлении мелькнула где-то на задворках сознания, но тут же была отброшена прочь.

К чему бесплодные попытки что-то изменить? Ведь она уже приняла решение. Она должна подчиниться.

Пусть все будет так, как должно.

Кира оцепенела. Она лежала под ним, до боли зажмурив глаза, а его руки и губы терзали ее тело. Она чувствовала прикосновения его языка, чертившего влажные дорожки на ее шее. Его обжигающее дыхание в ямке ключицы. Его руки, стиснувшие ее груди. Пальцы, пробравшиеся под резинку трусов.

Издав тихий рык, Хорган накрыл ртом ее грудь, втягивая в себя сосок вместе с тканью. Его горячий язык прошелся по чувствительной плоти, и Кира против собственной воли ощутила, как ее грудь тяжелеет, соски напрягаются, а низ живота наливается сладкой, тянущей болью.

Из-под ее плотно сомкнутых век показались незваные слезы. Нет, не так она это все себе представляла. Не с пьяным мужчиной, который, похоже, даже не понимает, кто перед ним!

Приоткрыв рот, Кира судорожно вздохнула, и тут же почувствовала, что тяжесть исчезла. От неожиданности она распахнула глаза и непонимающе уставилась на командора.

Тот, приподнявшись на руках, обшарил ее лицо мутным, остекленевшим взглядом, в котором почти не ощущалось проблесков разума. А потом одним движением разорвал майку напополам.

Обнажившиеся холмики грудей, молочно-белые, украшенные вишенками сосков, заставили его застонать сквозь стиснутые зубы. Хорган набросился на них, как изголодавшийся зверь.

Это было слишком для нее.

Кира отчаянно кусала губы, но она не могла больше сдерживать стоны, которые против воли рвались из нее. Ей хотелось умереть, провалиться под землю, исчезнуть, лишь бы ничего не чувствовать и не помнить! Ласки Хоргана были грубыми, злыми, они причиняли ей боль. Он словно за что-то наказывал ее. Или себя.

В какой-то момент он сорвал с нее трусики и отшвырнул, как ненужную тряпку. Ударом колена заставил раздвинуть ноги и навалился, дыша в лицо перегаром. Только теперь, когда его твердый член уперся в ее промежность, Кира опомнилась.

Он был большой. Очень большой. Она испугалась, что он разорвет ее пополам, когда его головка надавила, раздвигая нижние губки.

– Нет, нет, подождите! – она запоздало уперлась руками в плечи мужчины, пытаясь его оттолкнуть. – Отпустите! Вы делаете мне больно!

Ее крик заставил его лицо измениться. Оно потемнело, в глазах полыхнуло опасное пламя.

Ни слова не говоря, Хорган откинул ее руки и, схватив за запястья, пригвоздил к подушке над головой девушки. А потом одним ударом вошел в нее, ломая сопротивление.

Кира задохнулась от боли. Она была слишком сухой, слишком узенькой. Ее познания в сексе ограничивались одним-единственным мужчиной. А Хорган оказался таким большим, таким ненасытным. Он начал вколачиваться в нее так,

словно забивал сваи. Грубо, жестоко, не думая о том, что под ним лежит живая женщина.

Внутренности девушки словно объяло пламя. И она закричала, срывая горло.

Ответом ей был недовольный рык.

Еще секунда – и железная ладонь дерранга заткнула ей рот.

***

Кира сдавленно захрипела, но Хорган даже не обратил на это внимания. Он будто сошел с ума, ощутив себя в ней.

Такая плотная и горячая. Восхитительно обтянувшая его плоть. Она была идеальной и так сладко пахла.

Его Майя. Его майская девочка.

Он узнает ее запах из тысячи.

Столько лет он грезил о ней. И вот она здесь, под ним, покорно принимает его страсть и желание. Так же, как было всегда.

В какой-то момент ее пассивной покорности стало мало. Зверь хотел больше.

– Открой глаза! – прорычал он, встряхивая ее.

Голова Киры безвольно откинулась. Но грубая мужская ладонь уже запустила пальцы в рассыпавшиеся волосы и до боли стянула их на затылке.

– Смотри на меня! Я должен видеть твои глаза, когда буду кончать.

Она послушно распахнула ресницы. Ее безучастный взгляд мазнул по его лицу и уставился в потолок.

Приказ был исполнен.

В каком-то нездоровом угаре Хорган вбивался в женскую плоть, откинув голову и методично работая бедрами. Его лицо превратилось в обескровленную маску, вокруг плотно сомкнутых глаз темнели круги, рот был перекошен, словно командор испытывал жуткую боль, а на обнажившейся шее, словно стальные тросы, натянулись толстые жилы. Капли пота блестели на его висках, стекали вниз по щекам и капали на грудь девушке, которая раздавленной птичкой лежала под ним.

Хорган подводил себя к вершине, продолжая с остервенением вколачиваться в безвольное женское тело. Наконец он почувствовал, как раскаленная лава, заполнившая его вены, устремилась вниз, по позвоночнику, как натянулись все жилы, а перед глазами вспыхнул красный туман.

Из горла дерранга, обдирая его изнутри, вырвался победный рев.

Еще мгновение – и Хорган, задыхаясь, рухнул на девушку, чувствуя, как семя толчками выплескивается из него в ее лоно. Его мокрая от пота грудь ходила ходуном.

Отдышавшись, командор избавился от кителя, потом сорвал через верх рубашку, не утруждая себя расстегиванием крошечных металлических пуговиц. Немного повозившись, раздраженно откинул в сторону брюки и нижнее белье. А потом вытянулся на кровати, по-хозяйски обхватив за талию притихшую девушку.

Он подгреб ее под себя. Уткнулся носом в белокурый затылок и еще раз втянул аромат женской кожи. Его член снова напрягся. Низ живота приятно заныл.

Знакомый запах, такой чистый, такой возбуждающий. Разве можно противостоять его притяжению?

Хорган уже забыл, когда у него последний раз была женщина. Год или два назад? Он был молодым, здоровым мужчиной с естественными потребностями. И

совсем не ханжой.

Иногда он позволял себе ненадолго расслабиться с веб-красотками, демонстрировавшими свои прелести за деньги в гала-сети, но полного удовлетворения не получал. Разве может сравниться дешевый суррогат с ощущением, когда входишь в податливую женскую плоть и чувствуешь, как она обхватывает тебя, словно перчатка?

Довольно урча, он перевернул девушку на бок, как куклу, и нетерпеливо раздвинул ее бедра. Она не сопротивлялась, только вздрогнула, когда он снова вошел в нее…

Глава 8

Кира очнулась от того, что ей было трудно дышать. Какая-то неимоверная тяжесть лежала у нее на груди, затрудняя дыхание. А еще все тело ломило так, словно в нем не осталось ни одной целой косточки. Промежность саднила. Между бедер пульсировала тупая, тянущая боль. Да и внутри ощущался неприятный дискомфорт.

Нет, она давно уже не была девственницей, но ее познания в сексе ограничивались связью с единственным парнем. И с ним ей было хорошо, несмотря на все, что случилось потом. А то, что ее заставил пережить Хорган, казалось ночным кошмаром, который хотелось поскорее забыть.

Приоткрыв глаза, Кира скосила их вниз. Перед ее затуманенным взглядом оказалась чужая рука. Крупная, покрытая светлой кожей, сухой и плотной на вид, под которой дремали мощные мускулы, перевитые веревками вздувшихся вен. Широкий браслет ксанара, сделанный из матовых металлических звеньев, плотно обхватывал ее запястье. И на его потухшем экране пульсировала красная точка.

Несколько секунд Кира безучастно смотрела, как эта точка мигает, и пыталась собраться с мыслями. Наконец до ее затуманенного сознания дошло, что она

лежит обнаженная на командорской кровати, прижимаясь всем телом к голому Хоргану, мирно спящему у нее за спиной. И что это его рука так по-хозяйски ее обнимает.

И стоило это понять, как события последних часов всколыхнулись в мозгу красным маревом.

Она отдалась Хоргану.

Отдалась этому грубому животному, загнавшему ее в угол.

Сколько времени он терзал ее тело, пока, наконец, не насытился и не уснул?

Если бы он был хоть немного нежнее! Немного внимательнее! Возможно, она подчинилась бы ему с большей охотой, понимая, что выбора у нее все равно нет и не будет. Но он просто воспользовался ее беззащитностью, наплевав на чувства и боль. Она для него просто тело. Вещь. И вряд ли когда-нибудь будет иначе.

От осознания этого у нее защемило сердце. Снова, в который раз, мужчина приносит ей только боль и разочарование.

Охваченная отвращением к нему и к самой себе, она глубоко вздохнула. Потом, стараясь не искушать судьбу, выбралась из объятий Хоргана. Его рука безвольно упала на смятую простыню. И тут же мерное дыхание дерранга изменилось.

Кира оцепенела, съежившись на краю кровати.

Нет, пожалуйста! Пусть он спит! Она просто не выдержит, если он сейчас проснется и продолжит мучить ее.

Крупные, увенчанные квадратными ногтями, по-настоящему мужские пальцы шаркнули по простыни, сжимая ее в кулак.

Кира увидела, как по телу Хоргана прошла судорога. На его широкой спине с рельефными мускулами обозначились все позвонки, один за другим. Командор шевельнул губами, и сквозь них прорвался бессвязный стон.

Не веря своим ушам, Кира нагнулась, пытаясь разобрать слова, которые он повторил несколько раз.

– Майя! Моя майская девочка! Не уходи…

Ее словно ошпарило кипятком.

Он уже называл ее так – майской девочкой…

Вздрогнув всем телом, она вгляделась в его лицо. Но оно уже снова расслабилось, словно и не было этой вспышки неведомой боли, на мгновение исказившей его черты.

И снова это тихое, неразборчивое:

– Майя… моя…

Слова, сказанные во сне, обожгли Киру каленым железом. Ей захотелось вцепиться ему в плечи и хорошенько встряхнуть, крича: «Откуда ты знаешь мою сестру?!»

Но вместо этого она только сильнее обхватила себя руками, чувствуя, как внутри зарождается леденящая дрожь.

Перед глазами поплыл туман. Сознание помутилось, угрожая покинуть хозяйку, и Кира почувствовала, как стены спальни дрогнули, сходя с места и собираясь ее раздавить.

Правда, которая все это время лежала перед глазами, и которую она упорно не желала замечать, вдруг обрушилась на нее беспощадно и неотвратимо, будто стихия. Придавила непосильным грузом, выжигая нутро и лишая дыхания. И боль, несравнимая ни с одной физической болью, стиснула сердце девушки. Разлилась горьким ядом по венам.

Пошатываясь и цепляясь непослушными руками за столбики кровати, Кира поднялась и прижалась спиной к стене, чтобы устоять на ногах. Ей казалось, что

она сейчас задохнется, что ее боль выжгла весь кислород в этой комнате.

Захотелось бежать отсюда. Из этой комнаты, этого дома, от этого мужчины, который продолжал спать и даже не ведал, что с ней происходит!

А если бы даже и знал…

Командор Ян Донован Хорган.

Теперь Кира знала, почему его имя показалось ей смутно знакомым.

Ян Хорган. Тот самый парень с Цереры, который десять лет назад убил ее сестру.

***

Тогда Кира была еще слишком маленькой, чтобы запомнить подробности. У них с сестрой была большая разница в возрасте, и они мало общались. Майя работала в Райз Индастриз – самой крупной компании Города, у нее были свои друзья, своя личная жизнь. Нет, она ничего не скрывала, но и не афишировала свои отношения. Поэтому Кира не обратила внимания, когда Майя сказала, что познакомилась с восхитительным парнем, который, возможно, станет ее половинкой, и летит к нему на Цереру.

Конечно же, мама очень переживала, будто предчувствовала беду. Но ей хотелось, чтобы ее дочери были счастливы, и потому она прятала тревогу за вынужденной улыбкой. А Майя была так влюблена, так охвачена новым чувством, что порхала, как бабочка, собирая чемоданы.

Она провела на Церере ровно полгода. Целых шесть месяцев по местному времени и восемь по земному.

В последнем сообщении Майя написала, что у нее все прекрасно, что ее жених просто мечта, и что они вместе отправляются на Радан – маленький спутник Цереры, где у него есть свой дом. А еще намекнула, что у них ожидается

пополнение.

Кира помнила, как мать умоляла сестру вернуться на Землю, ведь космос полон опасностей, и главная из них – стычки с враждебными расами и пиратами. Но Майя ничего не хотела слушать. Смеясь, она говорила, что скоро позовет их на свадьбу.

Не позвала.

Через три дня после этого в новостях показали нападение пиратов на пассажирский лайнер, следовавший курсом Церера-Радан. А еще день спустя на ксанар матери пришло официальное извещение о том, что ее старшая дочь погибла во время этого нападения.

Что стало с женихом Майи, они не узнали. Получив страшное известие, мать Киры попала в больницу, а самой Кире было плевать на чужого, далекого парня, из-за которого ее жизнь и жизнь их семьи полетела к чертям.

И вот теперь он здесь. Перед ней.

Уже не парень, а матерый зверь – опасный и безжалостный. Мужчина, в руках которого отныне сама ее жизнь.

Он ее господин и хозяин.

Но хуже всего то, что он даже не догадывается, кто она для него.

Дрожащей рукой Кира коснулась ошейника и прикрыла глаза, сглатывая горькую, будто яд, слюну. Ее будущее представлялось одной большой черной ямой, у которой нет дна. И она уже балансировала на краю этой ямы.

Ощущая себя абсолютно раздавленной, Кира стекла вниз по стене, обдирая спину о шершавое покрытие. Сжалась, подтянув ноги к груди, и уткнулась в колени лицом. Спутанные волосы рассыпались по плечам, будто плащ.

Боль жгла изнутри.

Боль разрывала душу, требуя выхода,

Боль молила отпустить ее на свободу.

Кире хотелось кричать. Но вместо этого она только судорожно вздохнула.

Она сильная. Она справится. Она выдержит все.

Ведь раньше справлялась!

***

Кире было всего тринадцать, когда известие о гибели старшей сестры свалило ее мать на больничную койку. Девочку забрали сначала в муниципальный приют. Через два месяца мать умерла, и Киру перевели в интернат для сирот, где она провела все школьные годы. Позже, учась на втором курсе и существуя на одну стипендию, которой хватало лишь на койко-место в общаге и скромный паек в столовой, она была безумно рада, что нашла место курьера в Райз Индастриз – самой крупной компании Города. Кира надеялась, что однажды войдет туда, как полноценный сотрудник. Но ее мечтам не суждено было сбыться.

Она проработала там всего месяц, когда, выходя из лифта с кипой бумаг, случайно налетела на незнакомца. Понятное дело, бумаги рассыпались, а молодой человек, оказавшийся очень милым и улыбчивым, предложил свою помощь. Он представился как Денис. И пока они ползали на коленках по холлу, собирая разлетевшиеся листки, их руки случайно столкнулись. Пролетела искра. А дальше события начали разворачиваться как в любовном романе, с неимоверной скоростью. И только одна Кира, ослепленная первой влюбленностью, не понимала, насколько они банальны и предсказуемы.

Денис оказался сыном владельца Райз Индастриз – Андрея Шувалова. Птицей такого высокого полета, что самые богатые и знатные люди города хотели бы породниться с его семьей. Нищая сирота никак не вписывалась в эту картину.

Они встречались около года, пока Кира внезапно не поняла, что беременна. Для нее это было приятным сюрпризом, а вот для родителей Дениса – проблемой, которую нужно было срочно решать. Они закрывали глаза на шашни своего сына с молоденькой курьершей, считали, что она – всего лишь временное увлечение для их мальчика. Чистенькая, без вредных привычек и без родственников, способных доставить хлопоты. Отличная замена элитным проституткам, с которыми их мальчик проводил время до этого.

Но ребенок мог спутать все карты.

Кира была уверена, что никогда не забудет тот день, когда ее вызвала секретарь господина Шувалова и протянула два документа на подпись. Один был добровольным согласием на аборт, второй – заявлением на увольнение. Так же ей были обещаны выходное пособие и помощь с трудоустройством в другой компании и в другом Городе.

Оглядываясь назад спустя время, Кира не раз корила себя за то, что отказалась подписывать эти бумаги. Сейчас она, уже с холодной головой, могла проанализировать свои поступки и их последствия, а тогда горела праведным гневом, как и все девушки ее возраста, верила в любовь и высшую справедливость.

Сейчас она подписала бы эти бумажки, не задумываясь. Выбросила бы Дениса из головы и начала строить новую жизнь без него.

Но это сейчас.

Тогда же она решила бороться за их любовь.

Наивная дурочка, она еще не могла понять, что жизнь совсем не похожа на сказку. Что только в сказке нищая Золушка может выйти замуж за Принца. А в жизни так не бывает, хотя и золушки есть, и принцы встречаются.

С того момента ее жизнь перевернулась, а все, что прежде казалось светлым и радостным, превратилось в выжженную пустыню.

Родители Дениса среагировали моментально. Уже на следующий день он позвонил и сказал, что его отсылают на недельку в другой Город с каким-то заданием, а ночью в квартиру, которую он для нее снимал, нагрянула полиция с обыском.

Перепуганная, ничего не понимающая Кира сидела, забившись в угол, набросив одеяло поверх тоненькой пижамы, пока суровые мужчины в серой форме переворачивали мебель вверх дном. Что они искали – она не знала. Никто ей не сказал. Пока кто-то из них не разбил ее портативный ксанар, уничтожив вместе с ним и все фотографии, оставшиеся от матери и сестры.

Не выдержав, Кира бросилась на мужчину, пытаясь отстоять свое имущество. Но он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Девушка отлетела в угол и замерла, когда этот полицейский с грубым, можно даже сказать бандитским лицом, склонился над ней, держа в руках крошечный, не больше ногтя, чип с логотипом Райз Индастриз.

– Вам это знакомо?

– Да… – она недоуменно глянула на чип, а в голове уже зародились смутные подозрения.

На лице полицейского отразилось удовлетворение.

– Догилева Кира Андреевна, компания Райз Индастриз обвиняет вас в шпионаже в пользу конкурентов, а также в хищении ценных бумаг и подделке документов. Поднимайтесь, вы пойдете с нами.

– К-куда? – ее голос сорвался.

– Вам все объяснят.

– Но я ни в чем не виновата! Это какая-то ошибка! Я не сделала ничего, в чем меня обвиняют!

– Одевайтесь. Там разберемся.

***

Позже была камера предварительного заключения, выматывающие допросы, издевательства надзирателей и холодная брезгливость следователя. Денис не приходил, не звонил. Он исчез, словно его никогда и не было.

Она не хотела это все вспоминать. Мечтала забыть. Но вновь и вновь прошлое возвращалось в ночных кошмарах, особенно тот первый раз, когда ей вкололи сыворотку правды.

Она слышала, как тюремный врач говорил:

– У заключенной RQ-23/41/58 третья неделя беременности. Если вколоть ей этот препарат, произойдет выкидыш. Я врач, а не убийца.

И как назначенный судом адвокат с легкой брезгливостью произнес:

– Мой клиент заплатит вам за моральный ущерб.

Только тогда она поняла, что Денис ее предал. Что все это время она была для него всего лишь игрушкой, возможно, одной из многих.

Стоило это осознать, как чувство, которое она принимала за любовь, поменяло полярность. Теперь внутри нее горели ненависть и желание отомстить за свои обиды, за синяки на теле, за холодный пол карцера, и за ребенка, которого у нее отобрали.

Четыре месяца тюрьмы Кира только этим жила. Она дала себе слово, что пройдет через все, через любые препятствия, но выживет, вернется на Землю и отомстит. Как – ее это не трогало. Она подумает об этом потом, когда посмотрит в глаза тому, кто ее предал.

Когда встал выбор между радиоактивными рудниками на Аяксе и поселением на замерзшей планете, она, не колеблясь, выбрала второе. Не потому, что там легче, а потому, что там у нее был шанс выжить.

И вот теперь она оказалась здесь, на Ллуре, откуда выхода нет, зато есть человек, виновный в смерти ее сестры. И он теперь ее единоличный хозяин.

Кира не знала, как себя с ним вести. Хорган внушал ей страх, особенно после всего, что случилось. Если вчера в ратуше он казался хладнокровным и бесстрастным, то этим утром она почувствовала на себе, что скрывается под этой маской.

В Хоргане жил настоящий зверь. Дикий, жестокий и необузданный. Не знающий ни пощады, ни сожаления, и уж точно не заботящийся ни о ком, кроме себя.

Даже сейчас, когда он спал, Кира чувствовала, как его мощь подавляет ее. Она не доверяла ему, и в то же время понимала, что не выживет здесь без этого мужчины. Она полностью зависела от него, и осознание этого наполняло ее еще большим отчаянием.

Глава 9

Она не знала, сколько просидела так, пытаясь справиться с обрушившейся правдой. Но молодой, здоровый организм диктовал свои правила.

В животе заурчало. Громко, противно.

Вздрогнув, Кира вскинула голову и осмотрелась. Из окна виднелся кусочек свинцового неба, чуть подсвеченного красноватым солнечным светом. На Земле оно становилось таким во время заката, в плохую погоду, здесь же это был его естественный цвет.

Хорган все еще спал. Во сне он повернулся на спину и раскинул руки, как человек, не привыкший, что рядом с ним спит кто-то еще. Его могучая грудь, испещренная старыми шрамами, мерно вздымалась при каждом вдохе и опускалась при выдохе, словно кузнечные мехи, а правая рука немного свесилась вниз. На запястье вспыхнул экран ксанара, привлекая внимание девушки. Видимо, командору пришло сообщение.

Кира даже почувствовала мимолетную благодарность к тому, кто его отправил, потому что это дало ей возможность увидеть время. Три часа по Земному времени. И полдень по местному. Если учесть, что Хорган вернулся домой под утро, значит, сегодня второй день ее пребывания на этой планете.

Несколько минут девушка разглядывала спокойное лицо командора. В ее голове зрело решение.

Что ж, покинуть планету она не может, только не с этим ошейником. Ей нужно избавиться от него или найти пульт, который наверняка находится где-то в доме. К тому же после тюрьмы ей нужна небольшая передышка, чтобы подкопить силы. И документы. С тюремным штрих-кодом ей путь отсюда заказан.

Остается только сделать вид, что смирилась, и ждать, пока бдительность командора ослабнет.

И если для этого придется притворяться, что ж, она притворится. Сделает вид, что все хорошо. Станет ему послушной рабыней.

Пока он не снимет ошейник.

Там, на Земле, у нее остался один должок. Но сначала она рассчитается здесь. За мать и сестру.

Приняв решение, Кира поднялась и начала собирать свои вещи, разбросанные по полу вперемешку с одеждой Хоргана. Ей нужно одеться, пока он не проснулся. О чем она вообще думала, сидя здесь, рядом с ним, и жуя свои сопли!

Она старалась двигаться бесшумно, но это не помогло.

– Стой!

Голос Хоргана – резкий и грубый со сна – едва не сбил ее с ног. Прижимая к себе рваную майку, Кира вскинула голову.

Командор лежал, повернувшись на бок, и смотрел на нее так пристально, будто собирался проникнуть под кожу и выведать самые тайные мысли.

Под его взглядом ей захотелось стать прозрачной, невидимой. Слиться со стеной.

– Что ты делаешь? – он прищурился.

Кира нервно сглотнула. У нее появилась почти физическая потребность спрятать тело под слоем ткани, словно эта хрупкая преграда могла защитить от колючего взгляда мужчины.

Извиняться за причиненную грубость он, понятное дело, не собирался. А может, вообще не помнил, что здесь случилось.

– О… одеваюсь, сэр…

– Зачем? Ты замерзла?

Ее глаза непонимающе расширились, и он милостиво пояснил:

– В спальне тепло. Тебе не нужна одежда.

– Простите… Вы хотите, чтобы я ходила голой?

Ей казалось, что она бредит. Он же не мог такое сказать? Ведь не мог?

Она не хотела развивать эту мысль дальше, но Хорган не оставил ей выбора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uglickaya_alina/otchayannaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити